

ДЖОН ГРИШЭМ

КЛИЕНТ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Гришэм: лучшие детективы

Джон Гришэм

Клиент

«АСТ»

1991

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Гришэм Д.

Клиент / Д. Гришэм — «АСТ», 1991 — (Гришэм: лучшие детективы)

ISBN 978-5-17-099845-6

Один из лучших триллеров за всю историю существования жанра. Роман, ставший основой культового фильма, главные роли в котором сыграли Сюзен Сарандон и Томми Ли Джонс. В лесных зарослях близ Мемфиса обычный подросток невольно оказался свидетелем суицида солидного мужчины. А перед смертью самоубийца – как позже выяснилось, адвокат мафиозной группировки – доверил ему опасную тайну. Так парнишка оказался меж двух огней – с одной стороны на него давят чересчур рьяные «защитники закона», готовые пойти на любые нарушения правил, лишь бы выбить информацию, а с другой – на него начинает охоту киллер, нанятый теми, для кого жизненно важно эту информацию скрыть навсегда. И есть только один человек, на кого может рассчитывать мальчик. Это адвокат Реджи Лав, которая ради защиты интересов своего юного клиента готова бросить вызов всей судебной системе и даже рискнуть собственной жизнью...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-099845-6

© Гришэм Д., 1991

© АСТ, 1991

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	49
Глава 8	53
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джон Гришэм Клиент

John Grisham
The Client

© John Grisham, 1991

© Перевод. Т. П. Матц, наследники, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Таю и Ши

Глава 1

Марку было одиннадцать, но уже года два он покуривал. Ему больше нравился «Кулз», любимый сорт его бывшего папаши, но мать курила по две пачки «Вирджинии слимз» в день, и в среднем за неделю ему удавалось позаимствовать штук десять – пятнадцать. Мать его много работала, жилось ей трудно, воспитывать сыновей было некогда, и к тому же ей в голову не могло прийти, что ее старший в одиннадцать лет уже курит.

От случая к случаю ему перепала за доллар пачка «Мальборо», украденная воришкой Кевином, живущим через две улицы. Но в основном приходилось рассчитывать только на «Вирджинию слимз».

В тот день у него в кармане было четыре сигареты, и он вел своего брата, восьмилетнего Рикки, по тропинке в лес за стоянкой трейлеров. Рикки очень нервничал из-за первого опыта курения. Вчера он застукал Марка, когда тот прятал сигареты в коробку из-под обуви под кроватью, и пригрозил рассказать матери, если старший брат не научит его курить. Они осторожно пробирались через лес к тому тайному месту, где Марк проводил часы в одиночестве, пытаясь научиться пускать дым кольцами.

Большинство ребят по соседству увлекались пивом и травкой, но Марк дал себе твердое обещание избегать и того и другого. Его бывший папаша был алкоголиком, который колотил жену и сыновей, и случалось такое, как правило, после обильных возлияний. Так что Марк почувствовал действие алкоголя на собственной шкуре. Опасался он и наркотиков.

– Ты что, заблудился? – спросил Рикки совсем как маленький, когда они свернули с тропинки и начали пробираться через густые высокие заросли кустарника.

– Да заткнись ты, – ответил Марк, не замедляя шага.

Когда их отец бывал дома, он либо пил, либо спал, либо измывался над ними. Слава Богу, теперь они от него избавились. В течение пяти лет Марк заботился о Рикки и сейчас чувствовал себя одиннадцатилетним отцом. Он учил его играть в футбол и кататься на велосипеде. Он рассказал ему все, что знал сам, о сексе. Он предупреждал его о наркотиках и защищал от шпаны. И он испытывал угрызения совести, приобщая его к такому злу, как курение. Но ведь это только сигарета. Могло быть значительно хуже.

Заросли кончились, и они очутились под большим деревом, с одной из ветвей которого свисала веревка. Вокруг была небольшая полянка, окруженная кустарником, за которым начиналась грунтовая дорога, ведущая за холм. Издалека доносился шум шоссе.

Марк остановился и показал на лежащее на земле бревно.

– Садись, – велел он, и Рикки послушно опустился на бревно и внимательно огляделся, как преступник, опасющийся полиции.

Марк окинул его бдительным оком сержанта-инструктора и достал сигарету из кармана рубашки. Он держал ее большим и указательным пальцами и всем видом старался показать, что для него это – дело привычное.

– Ты знаешь правила, – произнес он, глядя вниз на сидящего Рикки.

Правил было только два, они обсуждали их десятки раз сегодня, и Рикки обижался, что Марк обращается с ним как с ребенком. Он посмотрел в сторону и сказал:

– Да, если я проболтаюсь, ты дашь мне взбучку.

– Правильно.

Рикки сложил руки.

– И я могу курить только одну сигарету в день.

– Опять правильно. И берегись, если я узнаю, что ты куришь больше. И если я поймаю тебя с пивом или наркотой, то...

– Знаю, знаю. Ты задашь мне взбучку.

– Точно.

– А ты сколько в день куришь?

– Только одну, – соврал Марк.

Иногда действительно только одну. В другие дни – три или четыре, в зависимости от того, сколько их у него было. Он прикусил фильтр, совсем как гангстеры в фильмах.

– А одна в день не убьет меня? – спросил Рикки.

Марк вынул сигарету.

– Очень не скоро. Одна в день – довольно безопасно. Но если больше, жди беды.

– А сколько мама выкуривает в день?

– Две пачки.

– А это сколько?

– Сорок штук.

– Ух! Тогда ей надо ждать больших неприятностей.

– У мамы полно всяких неприятностей.

– Сколько папа в день выкуривает?

– Четыре или пять пачек. Сотню в день.

Рикки слегка усмехнулся:

– Тогда он скоро помрет, ведь так?

– Надеюсь. Если учесть, что он постоянно пьян, да еще непрерывно курит, то вряд ли долго протянет.

– А как это – непрерывно?

– Это когда прикуриваешь следующую сигарету от предыдущей. По мне, хоть бы он по десять пачек в день курил.

– Я тоже так думаю.

Рикки взглянул на полянку и дорогу. В тени дерева было прохладно, но на открытом месте солнце палило вовсю. Марк сжал фильтр между большим и указательным пальцами и покрутил сигаретой перед губами.

– Боишься? – насмешливо улыбнулся он. Только старшие братья так умеют.

– Нет.

– А я думаю, боишься. Смотри, держи ее вот так. – Он помахал сигаретой перед носом Рикки, потом торжественно взял ее в рот.

Рикки внимательно наблюдал. Марк зажег сигарету, выдохнул небольшое облачко дыма и полюбовался им.

– Не старайся проглотить дым. Ты для этого еще не готов. Вдохни легонько и выпусти. Ну, давай.

– Меня не стошнит?

– Стошнит, если будешь глотать дым. – Он в порядке демонстрации дважды быстро затянулся и выдохнул. – Видишь? Совсем просто. Потом я научу тебя затягиваться.

– Ладно. – Рикки, нервничая, протянул большой и указательный пальцы, и Марк осторожно вложил в них сигарету.

– Валяй.

Рикки сунул обслюнявленный фильтр в рот. Рука у него тряслась. Он слегка потянул дым и тут же выдохнул его. Потом еще раз. Дым не попадал дальше его передних зубов. Еще разочек. Марк внимательно наблюдал, надеясь, что он закашляется и посинеет, потом его вырвет, и он никогда не будет курить.

– Проще простого, – гордо сказал Рикки, с восторженным удивлением разглядывая сигарету. Рука все еще тряслась.

– Да уж чего сложного.

– Вкус какой-то странный.

– Ага.

Марк уселся рядом с ним на бревно и достал из кармана еще одну сигарету. Рикки торопливо пускал дым. Марк зажег свою. Так они молча сидели под деревом и наслаждались курением.

– Весело, – заметил Рикки, покусывая фильтр.

– Замечательно. Только почему у тебя руки дрожат?

– Вовсе нет.

– Точно, точно.

Рикки не обратил на его слова внимания. Он наклонился вперед, поставил локти на колени, набрал в рот дыма и сплюнул, совсем как Кевин и другие мальчишки, живущие по соседству. И ничего сложного.

Марк сложил губы колечком и попытался пустить дым кольцами. Он рассчитывал таким образом произвести впечатление на брата, но кольца не получилось, и дым скоро рассеялся.

– Я думаю, тебе еще рано курить, – сказал он.

Рикки озабоченно попыхивал сигаретой и сплевывал, явно получая удовольствие от такого гигантского скачка в направлении возмужания.

– А тебе сколько лет было, когда ты начал? – спросил он.

– Девять. Но я был более взрослым, чем ты.

– Ты всегда так говоришь.

– Потому что это правда.

Они сидели рядом на бревне под деревом и мирно покуривали, разглядывая травянистую поляну, расстилающуюся перед ними. Марк и в самом деле был куда более взрослым в том возрасте, в котором находился сейчас Рикки. Он был более взрослым, чем любой ребенок в его возрасте. Он всегда был взрослым. Когда ему было семь лет, он ударил отца бейсбольной битой. Хотя о последствиях было неприятно вспоминать, по крайней мере этот пьяный идиот перестал колотить мать. До того он бил их часто, и Дайанна Свей даже искала защиты и совета у своего старшего сына. Они утешали друг друга и строили планы, как выжить. Вместе плакали после побоев. Договаривались, как защитить Рикки. Когда ему исполнилось девять лет, Марк уговорил мать подать на развод. Он вызвал полицейских, когда отец, уже после того как ему предъявили бумаги о разводе, явился домой пьяным. Мальчик давал показания в суде, рассказав о побоях, издевательствах и пренебрежении отцовскими обязанностями. Он вел себя как взрослый.

Рикки первым услышал машину. С грунтовой дороги послышался низкий шелестящий звук. Тогда и Марк услышал его.

– Сиди тихо, – приказал он Рикки шепотом.

Оба замерли.

На гребне холма появился длинный черный блестящий «линкольн»,двигающийся в их направлении. Трава на дороге доставала до переднего бампера. Марк бросил сигарету и наступил на нее подошвой. Рикки сделал то же самое.

Не доезжая до поляны, машина остановилась, затем развернулась, задев нижние ветви дерева, и встала. Мальчики оказались прямо за ней, но с дороги их видно не было. Марк соскочил с бревна и пробрался сквозь заросли к краю поляны. Рикки за ним. Задний бампер машины находился от них в тридцати футах. Они внимательно наблюдали. На машине были номерные знаки штата Луизиана.

– Что он делает? – прошептал Рикки.

Марк посмотрел сквозь заросли:

– Ш-ш-ш!

Он часто слышал на трейлерной стоянке, что подростки забираются в этот лес, чтобы встретиться с девчонками и покурить травку, но эта машина явно не могла принадлежать под-

росткам. Мотор заглох, и с минуту машина просто стояла в зарослях. Затем дверца открылась, и из машины вылез, оглядываясь по сторонам, водитель. Это был толстенький человек в черной куртке, с полным лицом и лысой круглой головой: только за ушами виднелась полоска седых волос. Еще у него была черная, с проседью, борода. Человек, спотыкаясь, прошел к багажнику, повозился с ключами и наконец открыл его. Он достал из багажника кусок шланга, надел один его конец на выхлопную трубу, а второй вставил в слегка приспущенное стекло задней левой дверцы. Закрыв багажник, он снова огляделся, как будто боялся, что за ним следят, и залез в машину.

Заработал мотор.

– Уф! – тихо произнес Марк, уставившись на машину.

– Что это он делает? – спросил Рикки.

– Хочет покончить с собой.

– Я не понимаю, Марк. – Рикки немного приподнял голову, чтобы лучше видеть.

– Не высовывайся. Видишь шланг? Выхлопные газы пойдут в машину и убьют его.

– Ты говоришь о самоубийстве?

– Именно. Я в кино видел, так один парень сделал.

Они пригнулись пониже и не сводили глаз со шланга, идущего от выхлопной трубы в окно. Мотор ровно работал вхолостую.

– А почему он хочет покончить с собой?

– Откуда я знаю? Но надо что-то сделать.

– Ага, пошли отсюда к чертовой матери.

– Нет. Посиди минуту тихо.

– Я уйду, Марк. Можешь сколько хочешь смотреть, как он умрет, а я пошел.

Марк схватил брата за плечо и заставил пригнуться. Рикки тяжело дышал, и обоих прошиб пот от страха. Солнце спряталось за тучу.

– А это долго? – спросил Рикки дрожащим голосом.

– Не очень. – Марк отпустил брата и встал на четвереньки. – Сиди здесь, понял? Если двинешься, я тебе такого пинка дам!

– Что ты собираешься делать, Марк?

– Сиди здесь.

Прижавшись тощим телом к земле, работая локтями и коленями, Марк пополз через заросли к машине. Трава была сухая и не меньше двух футов высотой. Он остановился прямо за машиной. Потом, скользя животом по сухой траве, как змея, залез под багажник, осторожно снял шланг с выхлопной трубы и положил его на землю. Назад он двигался с большей скоростью и уже через несколько секунд сидел, пригнувшись, рядом с Рикки в густой траве под самой длинной ветвью дерева. Он был уверен, что, если их обнаружат, они смогут рвануть мимо дерева по тропинке и скрыться раньше, чем толстяк поймает их.

Они ждали. Прошло пять минут, которые показались им часом.

– Ты думаешь, он умер? – глухо прошептал Рикки.

– Не знаю.

Неожиданно дверца распахнулась, и толстяк вылез наружу. Плача и что-то бормоча, он, спотыкаясь, обошел машину, увидел шланг на траве, выругался и снова надел его на выхлопную трубу. В руке у него была бутылка виски. Диким взглядом обведя деревья, толстяк, пошатываясь, вернулся в машину.

Мальчики в ужасе наблюдали.

– Он совсем рехнулся, – заметил Марк вполголоса.

– Пошли отсюда, а? – попросил Рикки.

– Да нельзя! Если он убьет себя, а мы это увидим и ничего не сделаем, у нас могут быть большие неприятности.

Рикки поднял голову, готовый к отступлению.

– Тогда мы никому ничего не скажем. Пошли, Марк!

– Просто сиди тихо! – Марк снова схватил его за плечо и заставил лечь на землю. – Мы не уйдем, пока я не скажу!

Рикки крепко зажмурился и заплакал. Марк покачал головой, не отводя глаз от машины. Вечные неприятности с этими младшими братьями.

– Перестань, – проворчал он.

– Я боюсь.

– Ну и ладно. Просто не двигайся, хорошо? Слышишь? Не двигайся. И перестань реветь. – Марк снова встал на четвереньки и приготовился ползти к машине.

– Просто дай ему умереть, Марк, – пробормотал Рикки, рыдая.

Марк взглянул на него через плечо и двинулся к машине, мотор которой все еще работал. Он пополз по уже слегка примятой траве так медленно и осторожно, что даже Рикки, переставший плакать, едва мог его видеть. Рикки следил за дверцей сумасшедшего водителя, ожидая, что она распахнется, толстяк выскочит оттуда и убьет Марка. Мальчик привстал на цыпочки, готовый сорваться с места, если придется удирать через лес. Он увидел Марка уже у заднего бампера. Опершись для уверенности на заднюю фару, старший брат медленно снял шланг с трубы. Вновь трава слабо зашелестела и закачалась. Через несколько секунд Марк был уже рядом с Рикки, задыхающийся и вспотевший, но, как ни странно, улыбающийся.

Они сидели под кустом, поджав под себя ноги, как два кузнечика, и наблюдали за машиной.

– Что, если он снова вылезет? – спросил Рикки. – И увидит нас?

– Он нас не может увидеть. Но если он пойдет в эту сторону, делай то же, что и я. Мы исчезнем, не успеет он сделать и шага.

– Почему нам не исчезнуть сейчас?

Марк с негодованием посмотрел на Рикки.

– Я пытаюсь спасти ему жизнь, понял? Вдруг он увидит, что ничего не получается, и, может, решит подождать. Разве так трудно это понять?

– Да он сумасшедший. Если он может убить себя, он может убить и нас. А это разве так трудно понять?

Марк только покачал головой. Неожиданно дверца снова распахнулась. Толстяк выкатился из машины, что-то бормоча, и потопал по траве вдоль машины. Схватил конец шланга, посмотрел на него так, как будто упрекал за плохое поведение, и медленно оглядел небольшую полянку. Он тяжело дышал и был весь в поту. Затем взглянул в сторону деревьев, и мальчики быстро прижались к земле. Он посмотрел вниз и замер, как будто что-то сообразив. Трава вокруг была слегка примята, и он было наклонился, чтобы рассмотреть получше, но потом надел шланг на выхлопную трубу и заторопился к дверце. Казалось, ему было безразлично, следит ли кто за ним из-за деревьев или нет. Он хотел умереть побыстрее.

Две головы поднялись над кустарником. Они долго присматривались. Рикки готов был дать деру, но Марк колебался.

– Марк, ну пожалуйста, пошли, – умолял Рикки. – Он нас почти заметил. А что, если у него есть пистолет?

– Если бы у него был пистолет, он бы застрелился.

Рикки закусил губу, и на его глазах снова появились слезы. Ему никогда раньше не удавалось переспорить брата, видно, и на этот раз не удастся.

Прошла еще минута, и Марк снова задвигался:

– Попробую еще раз, и все, ладно? И, если он не откажется от своей затеи, мы уйдем. Я обещаю, слышишь?

Рикки кивнул без всякого энтузиазма. Брат снова растянулся на животе и осторожно пополз к машине. Рикки грязными пальцами вытер слезы со щек.

Раздувая ноздри, адвокат старался дышать поглубже. Медленно выдохнув, он старался определить, проникает ли смертельный газ ему в кровь, начинает ли действовать. Рядом на сиденье лежал заряженный пистолет. В руке была наполовину пустая бутылка виски. Отпив глоток, он завинтил пробку и положил бутылку на сиденье. Снова глубоко вздохнул и закрыл глаза, пытаясь почувствовать действие газа. Как это будет – он просто потеряет сознание? Записка прикреплена к приборной панели над рулем. Рядом стоял пузырек с таблетками.

Он плакал и разговаривал сам с собой, уговаривая газ поспешить, черт бы его побрал, и убить его, пока он не потерял терпение и не воспользовался пистолетом. Он был трусом, хотя и упорным, и предпочитал потерять сознание, надышавшись газа, а не засовывать дуло себе в рот.

Он еще раз приложился к бутылке и почувствовал, как напиток обжег горло. Да, газ начал действовать. Скоро все будет кончено.

Он улыбнулся своему отражению в зеркале: план удался, скоро он умрет, а это значит, что не такой уж он и трус. Чтобы все это проверить, тоже нужно мужество.

Плача и бормоча, адвокат отвинтил пробку, чтобы сделать, может быть, последний глоток. Виски из слишком резко наклоненной бутылки потекло по губам и бороде.

Никто о нем не пожалеет. И хотя эта мысль должна была бы причинить боль, адвоката утешало сознание, что ни один человек не будет опечален его смертью. Мать была единственным человеком, который его любил, но она умерла четыре года назад, так что ей он страданий не причинит. Был еще ребенок от первого, неудачного, брака, дочь, которую он не видел уже одиннадцать лет, но она в своей секте стала такой же сумасшедшей, как и ее мать.

Похороны будут скромными. Несколько приятелей-адвокатов да парочка судей, все в темных костюмах, будут с важным видом перешептываться под органную музыку в полупустой церкви. Никаких слез. Адвокаты будут сидеть, поглядывая на часы, пока священник не произнесет казенные слова о дорогих усопших, никогда не посещавших церкви.

На все уйдет не более пятнадцати минут, ничего лишнего. В записке на приборной доске просьба кремировать тело.

– О-о, – вздохнул он тихо, снова приложился к бутылке и, делая глоток, заметил в зеркале заднего обзора, как колыхнулись заросли за машиной.

Рикки увидел распахнувшуюся дверь раньше, чем Марк что-либо услышал. Дверь открылась резко, как от пинка, и неожиданно большой и толстый человек с красным лицом побежал вдоль машины, придерживаясь за нее и рыча. Рикки окаменел от страха и намочил штаны.

Марк только успел дотронуться до бампера, когда услышал звук открывающейся двери. Он на секунду замер, прикинул, не стоит ли залезть под машину, и эта нерешительность погубила его. Пытаясь встать, чтобы убежать, он поскользнулся, и в этот момент мужчина схватил его.

– Ты! Ты, маленький ублюдок! – взвизгнул он, держа Марка за волосы и толкнув на багажник. – Ах ты, маленький ублюдок!

Мальчик лягался, пытаясь высвободиться, но получил затрещину. Он снова принялся брыкаться, но уже с меньшим энтузиазмом, и получил еще оплеуху. Марк видел дикое, злобное лицо всего в нескольких дюймах от себя. Глаза мужчины были мокрыми и налитыми кровью. Из носа и с подбородка текло.

– Ты, маленький ублюдок! – прорычал он.

Понадежнее прижав мальчика к машине и убедившись, что он больше не сопротивляется, адвокат снова надел шланг на выхлопную трубу, сдернул Марка с багажника за воротник и потащил по траве к открытой дверце. Он впихнул мальчонку в машину и протолкнул дальше, на правое сиденье.

Марк схватился за ручку дверцы и принялся искать замок, ее открывающий, но в этот момент мужчина сам повалился на водительское сиденье. Захлопнув за собой дверцу, показал на дверную ручку и завопил:

– Не смей трогать! – Он с силой ударил Марка тыльной стороной ладони по левому глазу.

Марк вскрикнул от боли, закрыл глаза руками и согнулся, залившись слезами. Нос болел ужасно, а рот и того хуже.

В голове шумело. Во рту был привкус крови. Человек рядом бормотал и всхлипывал. Сильно пахло виски. Правым глазом Марк мог видеть свои колени в грязных джинсах. Левый глаз начал затекать. Перед ним все плыло.

Толстяк глотнул виски и уставился на Марка, который сидел согнувшись и дрожал как осиновый лист.

– Перестань реветь! – прорычал он.

Марк облизал губы и сглотнул кровь. Он потер шишку над бровью и постарался дышать поглубже, все еще не отводя взгляда от джинсов. Человек повторил:

– Кончай реветь!

Марк постарался удержаться от слез.

Мотор работал. Машина была большой, тяжелой и тихой, но все равно Марк слышал вдалеке урчание мотора. Он медленно повернулся и посмотрел на шланг, торчащий из окна задней дверцы за спиной водителя и напоминающий рассерженную змею, приготовившуюся к смертельному броску. Толстяк рассмеялся.

– Полагаю, нам следует умереть вместе, – провозгласил он, неожиданно сумев взять себя в руки.

Левый глаз Марка стремительно затекал. Он повернулся всем корпусом и посмотрел прямо в лицо сидящему рядом человеку, который сейчас показался ему еще больше. Лицо было рыхлым, заросшим кустистой бородой, а красные глаза светились в темноте дьявольским светом. Марк снова заплакал.

– Пожалуйста, выпустите меня, – попросил он прерывающимся голосом. Губы у него дрожали.

Водитель снова поднес бутылку виски ко рту и отпил глоток. Скривился и облизал губы.

– Прости, малыш. Ты же сам захотел строить из себя умника и сунуть свой поганый нос в мои дела, так ведь? Вот я и считаю, что мы должны умереть вместе. Я прав или нет? Только ты и я, приятель. В путь к развеселой земле. Вперед на свидание с волшебником. Приятных сновидений, малыш.

Марк понюхал воздух и вдруг заметил пистолет, лежащий между ними на сиденье. Он быстро отвел от него глаза, потом взглянул снова, когда мужчина опять приложился к бутылке.

– Хочешь пистолет? – спросил мужчина.

– Нет, сэр.

– Зачем тогда на него смотришь?

– Я не смотрю.

– Не ври мне, малыш, а то я тебя прикончу. Я сумасшедший, понял, и я тебя убью. – Хотя по щекам его и катились обильные слезы, голос звучал спокойно. Человек глубоко дышал. – И к тому же, малыш, ведь мы с тобой теперь приятели, так что будь со мной честен. Честность – великое дело, правда? Так хочешь пистолет?

– Нет, сэр.

– Хочешь взять его и пристрелить меня?

– Нет, сэр.

– Я не боюсь умереть, понимаешь, малыш?

– Да, сэр, но я-то не хочу умирать. Я должен заботиться о матери и младшем брате.

– А, надо же, как трогательно. Настоящий мужчина в доме.

Он завернул крышечку бутылки и вдруг схватил пистолет, засунул дуло глубоко в рот, обхватил его губами и взглянул на Марка, который следил за каждым его движением, ожидая, что тот спустит курок, и в то же время надеясь, что он этого не сделает. Адвокат медленно вынул дуло из рта, поцеловал его и направил на Марка.

– Знаешь, я никогда из него не стрелял, – еле слышно произнес он. – Купил его час назад в Мемфисе, в лавке старьевщика. Как думаешь, он работает?

– Пожалуйста, выпустите меня.

– У тебя есть выбор, малыш, – сказал человек, вдыхая невидимый газ. – Или я сейчас вышибу тебе мозги и все будет кончено, или тебя прикончит газ. Выбирай.

Марк старался не смотреть на пистолет. Он понюхал воздух, и на мгновение ему показалось, что он что-то почувствовал. Пистолет был совсем рядом с его виском.

– Зачем вы это делаете? – спросил он.

– Не твоего ума дело, понял, малыш? Я рехнулся, понял? Крыша поехала. Сам понимаешь, я рассчитывал потихоньку покончить с собой, только я, шланг, может, немного таблеток да бутылка виски. Без посторонних глаз. Но нет, надо было тебе сунуть сюда свой длинный нос. Маленький ублюдок! – Он опустил пистолет и осторожно положил его на сиденье.

Марк потер шишку на лбу и закусил губу. Руки дрожали, и он зажал их между коленками.

– Через пяток минут мы умрем, – заявил адвокат торжественно и поднес бутылку к губам. – Мы вдвоем, приятель, отправимся на свидание к волшебнику.

Рикки наконец обрел способность двигаться. Зубы стучали, и джинсы были мокрыми, но он начал соображать и, осторожно опустившись на четвереньки, пополз к машине, сжав зубы и прижимаясь к траве. Вот сейчас дверца распахнется, этот сумасшедший, быстрый, несмотря на полноту, выпрыгнет из ниоткуда и схватит его за шиворот, совсем как Марка, и все они умрут в этой длинной черной машине. Медленно, дюйм за дюймом, он приближался к машине.

Марк осторожно двумя руками поднял пистолет. Он был тяжелый, как кирпич. Пистолет ходил ходуном в его руках, когда он направил его на толстяка, наклонившегося вперед так, что дуло оказалось в дюйме от его носа.

– А теперь нажми курок, малыш, – сказал он, улыбаясь. На блестящем от пота лице отразилось нетерпение. – Нажми курок! – закричал он.

Марк закрыл глаза и крепко сжал рукоятку пистолета ладонями. Он задержал дыхание и уже было собрался нажать на курок, когда мужчина вырвал пистолет у него из рук. Он взмахнул им перед лицом мальчика и нажал на курок. Марк взвизгнул, стекло за его головой треснуло на тысячи кусков, но не вылетело.

– Работает! Работает! – завопил мужчина, а Марк пригнулся как можно ниже и закрыл уши руками.

Услышав выстрел, Рикки спрятал лицо в траве. Он был футах в десяти от машины, когда раздался хлопок, а за ним крик Марка. Толстяк тоже что-то закричал, и Рикки снова описался. Он закрыл глаза и схватился руками за траву. В животе все сжалось, сердце бешено стучало, и целую минуту после выстрела он не мог пошевелиться. Он оплакивал своего брата, которого убил этот сумасшедший.

– Перестань реветь, черт побери! Меня тошнит от твоего рева!

Марк обхватил колени и попытался перестать плакать. В голове стучало, а во рту пересохло. Он снова зажал руки коленями и весь согнулся, стараясь что-нибудь придумать. По телевизору он однажды видел, как один придурок собрался спрыгнуть с крыши дома, а поли-

цейский так спокойно с ним говорил и говорил, и придурок начал ему отвечать и в конце концов так и не прыгнул. Марк понюхал, не пахнет ли газом, и спросил:

– Зачем вы это делаете?

– Зачем? – переспросил мужчина, разглядывая маленькую круглую дырочку в стекле. – Почему дети задают так много вопросов?

– Потому что мы дети. Почему вы хотите умереть? – Он едва слышал собственные слова.

– Послушай, малыш, мы умрем через пять минут, понял? Мы с тобой, приятель, вместе отправимся на свидание к волшебнику. – Он сделал большой глоток из бутылки, в которой уже почти ничего не осталось. – Я чувствую, как газ начинает действовать, малыш. А ты?

В боковое зеркало Марк видел, как колышется трава. Потом заметил Рикки, скользнувшего по траве и нырнувшего в кусты под деревом. Он закрыл глаза и прочел молитву.

– Должен тебе сказать, малыш, я рад, что ты здесь. Никто не хочет умирать в одиночестве. Как тебя зовут?

– Марк.

– А фамилия?

– Марк Свей.

Надо продолжать говорить, может, и этот придурок опомнится.

– А вас как зовут?

– Джером. Но ты можешь звать меня Роми. Так зовут меня друзья, а поскольку мы с тобой тоже приятели, ты можешь звать меня Роми. И никаких больше вопросов, понял, малыш?

– Почему вы хотите умереть, Роми?

– Я же сказал, никаких вопросов. Ты чувствуешь газ, Марк?

– Не знаю.

– Скоро почувствуешь. Лучше молись. – Роми поудобнее устроился на сиденье, закрыл глаза, откинул голову и полностью расслабился. – У нас есть еще около пяти минут, Марк, так какие будут твои последние слова? – В правой руке он держал бутылку виски, в левой – пистолет.

– Зачем вы это делаете? – спросил Марк, поглядывая в зеркало и надеясь снова увидеть брата. Он дышал носом, быстро и неглубоко, но ничего не чувствовал, даже запаха. Наверняка Рикки снял шланг.

– Потому что я рехнулся. Еще один рехнувшийся адвокат, понял? Меня свели с ума, Марк. А сколько тебе лет?

– Одиннадцать.

– Виски пробовал?

– Нет, – ответил Марк чистосердечно.

Неожиданно он увидел бутылку виски у своего лица и взял ее.

– Выпей глоток, – сказал Роми, не открывая глаз.

Марк попытался прочитать, что написано на этикетке, но левый глаз практически полностью закрылся, в голове гудело, и он не мог сосредоточиться. Он поставил бутылку на сиденье, и Роми молча взял ее.

– Мы умираем, Марк. Наверное, в одиннадцать лет умирать рановато, но ничего не поделаешь. Ничем не могу помочь. Так как насчет последних слов, парнишка?

Марк убеждал себя, что Рикки все сделал, что шланг теперь безвреден, что его новый приятель Роми пьян в стельку и не в себе и что, если он хочет остаться в живых, ему надо думать и говорить. Воздух был чистым. Он глубоко вздохнул.

– Что свело вас с ума?

Роми немного подумал и нашел вопрос забавным. Он шмыгнул носом и даже хихикнул.

– О, замечательно! Просто блеск. Уже несколько недель я знаю то, чего никто в мире не знает, кроме моего клиента, который, по правде сказать, настоящее дерьмо. Понимаешь, Марк,

адвокатам приходится выслушивать много такого, о чем они не имеют права никому рассказывать. Строго конфиденциально, понял? Никому не могут рассказать, что стало с деньгами, или кто с кем спит, или где зарыт труп, ты понял меня? – Роми глубоко вздохнул и с большим удовольствием выдохнул. Еще глубже уселся, так и не открывая глаз. – Прости, что я тебя ударил. – Он согнул палец на курке.

Марк закрыл глаза. Он ничего не чувствовал.

– Сколько тебе лет, Марк?

– Одиннадцать.

– Ты уже говорил. Одиннадцать. А мне сорок четыре. Нам обоим рано умирать, верно, Марк?

– Да, сэр.

– Но придется. Газ чувствуешь?

– Да, сэр.

– Мой клиент убил человека и спрятал тело, а теперь этот клиент хочет убить и меня. Вот и весь сказ. Они свели меня с ума. Ха! Ха! Прекрасно, Марк. Просто великолепно. Я, доверенное лицо, адвокат, могу сейчас сказать тебе, за секунды до того, как мы отправимся в дальний путь, где спрятано тело. Тело, Марк, наиболее знаменитый ненайденный труп всех времен и народов. Надо же! Я могу наконец сказать! – Его глаза были открыты и прикованы к лицу Марка. – Чертовски забавно, Марк!

До Марка этот юмор не дошел. Он посмотрел в зеркало, затем на дверную ручку в футе от его руки. Замок был даже ближе.

Роми снова закрыл глаза и расслабился, как будто тщетно пытаясь вздремнуть.

– Мне очень жаль, малыш, что так вышло, честное слово, но я рад, что ты здесь. – Он медленно поставил бутылку на приборную панель рядом с запиской и переложил пистолет из левой руки в правую, ласково поглаживая спусковой крючок указательным пальцем. Марк старался не смотреть на оружие. – Мне, право, очень жаль, малыш. Сколько тебе лет?

– Одиннадцать. Вы меня уже в третий раз спрашиваете.

– Заткнись! Я чувствую газ, а ты? Кончай шмыгать носом, черт побери! Он без запаха, дубовая твоя башка! Его нельзя унюхать. Я бы уже был мертв, а ты бы играл в индейцев, если бы не был таким пронырой. Знаешь, а ты ведь дурак.

«Не такой дурак, как ты», – подумал Марк.

– А кого ваш клиент убил?

Роми усмехнулся, но глаз не открыл.

– Американского сенатора. Надо же, я рассказываю, рассказываю. Я все выбалтываю. Ты газеты читаешь?

– Нет.

– Ничего удивительного. Сенатора Бойетта из Нового Орлеана. Я сам оттуда.

– А чего вы приехали в Мемфис?

– Черт тебя дерит, малыш! У тебя полно вопросов, верно?

– Ага. А почему он убил сенатора Бойетта?

– Почему да почему, кто да кто! Ты прямо как гвоздь в заднице, Марк.

– Знаю. Почему бы вам меня не отпустить? – Марк взглянул в зеркало, потом на шланг, лежащий на заднем сиденье.

– Я могу прострелить тебе башку, если ты не замолчишь, и все. – Голова его поникла, борода почти касалась груди. – Мой клиент поубивал много народу. Он так зарабатывает деньги – убивает людей. Он член мафии в Новом Орлеане. И теперь он пытается убить меня. Плохо, верно, малыш? Только мы его перехитрим. Подшутим над ним.

Роми сделал большой глоток из бутылки и взглянул на Марка:

– Ты только подумай, малыш. В данный момент Барри, или Барри Нож, как его чаще называют, у них, у всех этих мафиози, такие странные прозвища, так вот этот Барри Нож ждет меня в одном грязном ресторанчике в Новом Орлеане. Где-нибудь поблизости наверняка тусуется парочка его дружков. После тихого ужина он предложит мне немного прокатиться в машине, поговорить о деле и все такое, потом он вытащит нож, именно поэтому его так и прозвали, и мне каюк. Они избавятся от моего бедного тела каким-нибудь образом, как избавились они от тела сенатора, и – трах! – еще одно нераскрытое убийство в Новом Орлеане. Но мы им покажем, верно, малыш? Мы им покажем.

Он говорил все медленнее, язык все больше заплетался. Разговаривая, он двигал пистолетом вверх-вниз по бедру. Палец по-прежнему лежал на спусковом крючке.

«Заставляй его говорить».

– А почему этот Барри хотел вас убить?

– Еще вопрос. Я уплываю. А ты уплываешь?

– Ага. Приятно.

– Причин куча. Закрой глаза, малыш, и молись.

Марк следил за пистолетом и одновременно поглядывал на дверной замок. Он медленно прикоснулся каждым пальцем руки к большому пальцу, как делали в детском саду, когда учили считать. Координация движений была нормальной.

– И где же тело?

– Тело Бойда Бойетта? Ну и вопрос! – Роми фыркнул и кивнул головой. Снизил голос почти что до шепота: – Первый американский сенатор, убитый до истечения его срока, ты это знаешь? Убитый моим клиентом Барри Ножом Мальданно, который четырежды выстрелил ему в голову и спрятал труп. Нету тела – нету дела. Ясно, малыш?

– Не очень.

– Что это ты не плачешь, малыш? Несколько минут назад ты плакал. Разве ты не боишься?

– Да, я боюсь. И я хотел бы уйти. Мне жаль, что вы хотите умереть и все такое, но мне надо еще заботиться о матери.

– Трогательно, ужасно трогательно. А теперь заткнись. Понимаешь, малыш, агентам ФБР нужен труп, чтобы доказать, что произошло убийство. Они подозревают Барри, он единственный подозреваемый, и он на самом деле убил, и они это знают. Но им нужен труп.

– А где он?

Солнце закрыла черная туча, и на поляне вдруг стало темнее. Роми осторожно подвинул пистолет вдоль бедра, как бы намекая Марку, чтобы он не делал резких движений.

– Нож далеко не самый умный бандит, которого мне приходилось видеть. Считает себя гением, а на самом деле глуп как пробка.

«Это ты глуп как пробка, – снова подумал Марк. – Сидишь в машине, прикрепив шланг к выхлопной трубе». Он ждал, стараясь не двигаться.

– Тело под моей лодкой.

– Вашей лодкой?

– Да, моей лодкой. Он торопился. Меня в городе не было, и мой любимый клиент привез тело ко мне домой и спрятал его в свежем бетоне в полу моего гаража. И оно до сих пор там, хочешь верь, хочешь нет. Агенты ФБР перекопали весь Новый Орлеан, пытаясь его найти, но о моем доме они и не подумали. Может, Барри и не такой уж дурак.

– Зачем он вам об этом рассказал?

– Я устал от твоих вопросов, малыш.

– Тогда выпустите меня.

– Заткнись. Газ действует. Нам конец, малыш. Конец. – Он уронил пистолет на сиденье.

Мотор тихо урчал. Марк взглянул на дырочку от пули в стекле, на тысячи маленьких трещин, бегущих от нее, потом на красное лицо и тяжелые веки. Легкий храп, и голова склонилась вниз.

Он отключился! Марк не сводил с него глаз, наблюдая, как поднимается и опускается грудь адвоката. Он сотни раз видел своего бывшего папашу в таком состоянии.

Марк набрал в грудь воздух. Дверной замок обязательно щелкнет. Пистолет лежит слишком близко от руки Роми. В животе у Марка все сжалось, и ноги занемели.

Человек с красным лицом громко вздохнул, и Марк понял, что другого случая не будет. Медленно, очень медленно он потянулся к дверной защелке.

Глаза Рикки высохли, во рту тоже пересохло, зато джинсы были мокрыми. Он стоял под деревом в темноте, подальше от кустов, высокой травы и машины. Прошло уже минут пять, как он снял шланг. Пять минут, как прозвучал выстрел. Но мальчик знал, что его брат жив, потому что, отбежав футов на пятьдесят за деревья, он смог увидеть светлую голову на переднем сиденье огромной машины. Поэтому он перестал плакать и начал молиться.

Рикки вернулся на бревно и, низко пригнувшись, наблюдал за машиной, переживая за брата. Вдруг дверца распахнулась, и появился Марк.

Голова Роми совсем опустилась на грудь, он продолжал храпеть, когда Марк, правой рукой спихнув пистолет на пол, левой открыл дверную защелку. Он рванул ручку и уперся плечом в дверь. Последнее, что он слышал, вываливаясь из машины, был храп адвоката.

Марк упал на колени и, хватаясь за траву, рванулся прочь. Низко пригнувшись, он быстро промчался сквозь траву и через несколько секунд был уже под деревом, рядом с онемевшим от ужаса Рикки. Мальчик остановился и повернулся, ожидая увидеть преследующего его адвоката с пистолетом в руке. Но около машины никого не было. Дверца была открыта, и мотор продолжал работать. На выхлопной трубе ничего не было. Он перевел дыхание и медленно повернулся к Рикки.

– Я снял шланг, – сказал Рикки тонким голосом, часто дыша.

Марк кивнул, но промолчал. Неожиданно он почти успокоился. Машина находилась в тридцати футах от них, и, если Роми появится, они мгновенно убегут в лес. А если он вздумает палить в них из пистолета, то просто не сможет их разглядеть из-за дерева и кустов.

– Я боюсь, Марк. Пошли, – попросил Рикки все тем же тоненьким голосом. Руки у него дрожали.

– Еще минутку. – Марк внимательно смотрел на машину.

– Ну же, Марк! Пошли!

– Я же сказал, минутку.

– Он умер? – Рикки посмотрел на машину.

– Не думаю.

Значит, этот человек жив, и у него пистолет. Становилось ясно, что его старший брат больше не боится и что-то задумал. Рикки сделал шаг назад.

– Я ухожу, – пробормотал он. – Я хочу домой.

Марк не пошевелился. Он спокойно разглядывал машину.

– Подожди, – сказал он, не глядя на Рикки. В голосе снова зазвучали властные нотки.

Рикки замер, наклонившись вперед и положив руки на мокрые коленки. Он наблюдал за братом и только покачал головой, увидев, что тот осторожно достал сигарету из кармана рубашки, по-прежнему не отрывая взгляда от машины. Марк зажег сигарету, глубоко затянулся и выпустил дым вверх, в ветви дерева. В этот момент Рикки заметил его заплывший глаз.

– А что с твоим глазом?

Марк неожиданно вспомнил. Осторожно потер глаз, потом шишку на голове.

– Он мне пару раз двинул.

– Неважно выглядит.

– Обойдется. Знаешь, что я сделаю? – спросил он и продолжил, не ожидая ответа: – Я опять туда прокрадусь и надену шланг на выхлопную трубу. Заткну ее ему, уроду проклятому.

– Ты еще более сумасшедший, чем он. Ты ведь шутишь, правда, Марк?

Марк демонстративно выпустил дым изо рта. Неожиданно дверца водителя распахнулась и оттуда, спотыкаясь, вылез Роми с пистолетом. Что-то бормоча, он двинулся вдоль машины и еще раз увидел шланг, невинно лежащий на траве. Он поднял голову к небу и грязно выругался.

Марк пригнулся как можно ниже, увлекая Рикки за собой. Роми развернулся и оглядел деревья, окружавшие полянку. Снова выругался и принялся громко плакать. По лицу тек пот, черная куртка намокла и прилипла к телу. Он протопал вокруг машины, рыдая и выкрикивая ругательства.

Неожиданно остановился, с трудом втащил свое жирное тело на багажник и заскользил вперед подобно пьяному слону, пока не уперся в заднее стекло. Он лежал, вытянув толстые ноги, на одной из которых не было ботинка. Затем взял пистолет и не торопясь засунул дуло глубоко в рот. Еще раз огляделся вокруг налитыми кровью глазами. Взгляд его на мгновение задержался на дереве, под которым прятались мальчики.

Роми растянул губы и покрепче ухватил дуло потемневшими зубами. Потом закрыл глаза и нажал на курок большим пальцем правой руки.

Глава 2

Туфли были из кожи акулы, длинные шелковые носки доходили почти до самого колена, ласково обнимая довольно волосатые лодыжки Барри Мальданно, или Барри Ножа, или просто Ножа, как он любил себя величать. Темно-зеленый блестящий костюм на первый взгляд казался сшитым из кожи ящерицы, игуаны или какого-то другого земноводного, но на самом деле был не из кожи, а из синтетики. Двубортный, со множеством пуговиц, он прекрасно сидел на плотной фигуре Барри и игриво переливался, когда тот шагал к телефону в глубине ресторана. Костюм не был ярким, но в глаза бросался. Барри вполне мог сойти за хорошо одетого торговца наркотиками или удачливого букмекера из Лас-Вегаса, что было ему на руку, так как, будучи Ножом, он хотел, чтобы люди его замечали и сразу видели, как он преуспел в жизни. И они должны были при виде его замирать от страха и уступать ему дорогу.

Волосы у него были густые и черные, подкрашенные, чтобы скрыть седину, туго стянутые назад, густо смазанные гелем и собранные в идеальный пучок, выгибающийся назад и достигающий края воротника зеленого пиджака. На прическу он тратил часы. Обязательная бриллиантовая серьга сверкала, как и положено, в мочке левого уха. На левой кисти, над украшенными бриллиантами часами «Ролекс», виднелся изящный золотой браслет. На правой кисти позвякивала в такт его шагам не менее изящная золотая цепочка.

Барри немного постоял перед телефоном, бросая вокруг быстрые, острые взгляды. Обычного человека, только заглянувшего в пронзительные и жестокие глаза Барри Ножа, могло запросто пронести. Глаза были темно-карие и расположены так близко друг к другу, что, если посмотреть в них прямо с небольшого расстояния в течение двух-трех секунд, можно было поклясться, что Барри косой. Черные сросшиеся брови прямой чертой протянулись над довольно длинным и острым носом. Коричневые мешки под глазами говорили о том, что этот человек, вне всякого сомнения, любит выпить и повеселиться всласть. Мутные глаза свидетельствовали среди прочего о частом похмелье. Нож обожал свои глаза. Они были легендарными.

Он набрал номер конторы своего адвоката и заговорил, не дожидаясь ответа:

– Эй, это Барри. Где Джером? Он запаздывает. Должен был со мной встретиться еще сорок минут назад. Где он? Вы его видели?

И голос у Барри тоже был неприятным. Слышалась в нем угроза удачливого новоорлеанского уличного бандита, переломавшего уже много рук и готового с радостью сломать еще одну, если вы слегка задержитесь с ответом или некстати попадетесь на его пути. Голос был грубым, надменным, унижающим собеседника. Несчастная секретарша, снявшая трубку, слышала его уже много раз и хорошо помнила и эти глаза, и змеиные костюмы, и хвостик сзади. Она сглотнула слюну, перевела дыхание, поблагодарила Бога за то, что он говорит с ней по телефону, а не стоит в конторе, хрустя пальцами, и сообщила ему, что мистер Клиффорд уехал около девяти часов и больше она о нем ничего не слышала.

Барри швырнул трубку и в ярости выскочил в холл, но тут же взял себя в руки и спокойно продефилировал мимо столиков и сидящих за ними людей. Было уже около пяти часов, и ресторан начал постепенно заполняться.

Он всего-навсего хотел немного выпить и за хорошим ужином потолковать со своим адвокатом обо всей этой чехарде. Выпить и поесть, вот и все. Агенты ФБР постоянно следили за ним. Джером совсем свихнулся и на прошлой неделе сказал Барри, что, по его мнению, в его конторе установлены подслушивающие устройства. Поэтому они и договорились встретиться здесь и хорошенько поужинать, не беспокоясь, что их подслушают.

А поговорить им необходимо. Джером Клиффорд уже лет пятнадцать защищал всех хоть сколько-нибудь известных новоорлеанских проходимцев: гангстеров, торговцев наркотиками,

политиков – и часто добивался успеха. Он был хитер и продажен и сам охотно покупал тех, кого можно было купить. Он пил с судьями и спал с их подружками. Подкупал полицейских и угрожал присяжным. Заигрывал с политиками и давал им деньги на выборные кампании, если его об этом просили. Джером хорошо знал, как работает система, и, если какому-нибудь мерзавцу-обвиняемому с большими деньгами требовалась юридическая помощь в Новом Орлеане, он неминуемо оказывался в офисе Джерома Клиффорда, адвоката и советника по юридическим вопросам. И в этом офисе он находил друга, который зарабатывал себе на жизнь грязными делами и был верен до конца.

Дело Барри, однако, отличалось от остальных. Оно было крайне серьезным, и с каждым днем его серьезность возрастала. До суда оставался всего месяц, и сознание этого висело над Барри как дамоклов меч. Он второй раз привлекался к суду за убийство. Впервые это случилось в нежном восемнадцатилетнем возрасте, когда местный прокурор пытался доказать с помощью одного крайне ненадежного свидетеля, что Барри отрубил пальцы своему сопернику-бандиту, а потом перерезал ему горло. Дядя Барри, уважаемый и опытный мафиозо, заплатил где надо, и присяжные не смогли прийти ни к какому решению. Молодой Барри вышел на свободу.

Позднее Барри отсидел пару лет в милой федеральной тюрьме по обвинению в рэке. Дядя в тот раз не смог ему помочь, но Барри уже было двадцать пять, и короткое тюремное заключение пошло ему только на пользу, прибавило авторитета, сделало гордостью семьи. Тогда адвокат Джером Клиффорд занимался кассационной жалобой, и с той поры они подружились.

Когда Барри подошел к столику, его уже ждала содовая с лимоном. Со спиртным следовало несколько часов подождать. Нельзя было допустить, чтобы дрожали руки.

Он выжал в бокал лимон и, взглянув в зеркало, поймал на себе несколько любопытных взглядов. Еще месяц до суда, а люди пялятся. Хотя ничего удивительного – ведь он был самым знаменитым подозреваемым в убийстве в стране. Его фотографии напечатаны во всех газетах.

Необычность судебного дела была в том, что жертвой оказался сенатор. Первый сенатор, убитый до того, как истек срок его пребывания в сенате. Так, во всяком случае, утверждали газеты. «Соединенные Штаты Америки против Барри Мальданно». Разумеется, трупа не было, что сильно затрудняло дело для Соединенных Штатов Америки. Нет трупа, нет результатов вскрытия, нет баллистической экспертизы, нет этих проклятых фотографий, которыми можно размахивать в зале суда и страшить присяжных.

Но Джером Клиффорд разваливался на части. Вел себя странно: исчезал, вот как сегодня, не перезванивал, когда его об этом просили, всегда опаздывал в суд, все время что-то бормотал и слишком много пил. И так обычно злобный и упрямый, теперь он и вовсе стал избегать людей, и это вызывало недоумение. Честно сказать, Барри не прочь был сменить адвоката.

Остался только месяц, и Барри требовалось время. Отсрочка или что-нибудь в этом роде. Чего это правосудие действует так быстро, когда это тебе совсем ни к чему? Всю свою жизнь он ходил по грани закона, и, случалось, дела тянулись годами. Однажды даже пытались привлечь к суду его дядю, но после трех лет утомительной борьбы правительство сдалось. А в этот раз Барри предъявили обвинение всего полгода назад, и вот уже суд на носу. Это несправедливо. И если Роми не справляется, его следует заменить.

Тем более что у агентов ФБР было несколько дыр в этом деле. Во-первых, не нашлось свидетелей убийства, хотя имелись, разумеется, кое-какие косвенные улики да мотив для убийства. Но никто не видел, как он это сделал. Правда, был у них осведомитель, человек неуравновешенный и ненадежный, от которого бы пух и перья полетели при перекрестном допросе на суде. При условии, конечно, если он до этого суда доживет. Вот почему ФБР так тщательно прятали его. У Барри же было еще одно великолепное преимущество – отсутствие трупа, маленького, худенького трупа Бойда Бойетта, медленно разлагающегося сейчас в бетоне. Без него уважаемому прокурору Рою Фолтриггу не добиться, чтобы его признали виновным. При

этой мысли Барри улыбнулся и подмигнул двум химическим блондинкам, сидящим за столиком около двери. С тех пор как его обвинили в убийстве, женщины к нему так и липли. Он стал знаменитостью.

Слабоватое получалось у прокурора дело, но это не мешало ему ежедневно выступать по телевидению, самоуверенно предсказывая быстрое торжество справедливости, и давать хвастливые интервью любому журналисту, согласившемуся его выслушать. Этот набожный и сладкоголосый прокурор был известен своими непомерными политическими амбициями и безапелляционным мнением относительно всего на свете. У него был собственный пресс-секретарь, затюканный бедолага, на чьи плечи легла задача денно и ночно привлекать к своему шефу внимание прессы, чтобы читатели и зрители наконец решили, что Рою стоит послужить их интересам в американском сенате. А уж оттуда только сам «святой отец» Рой знал, куда может привести его Бог. Барри в ярости разгрыз кубик льда при одной лишь мысли о Рое Фолтринге, размахивающем перед камерами обвинительным актом и выкрикивающим всякого рода предсказания относительно скорой победы добра над злом. Но с того времени прошло уже полгода, и ни Рой, ни его сподвижники, агенты ФБР, не смогли найти труп Бойда Бойетта. Они круглосуточно следили за Барри, наверное, и сейчас ждали снаружи, как будто рассчитывали, что он после ужина, как последний дурак, приведет их напрямик к телу. Они раздавали взятки всем пьяницам и уличным хулиганам, которые строили из себя осведомителей. Они осушали пруды и озера, шарили с тралом по рекам. Они заполучили разрешения на обыск в десятках зданий и на многих земельных участках города. Потратили небольшое состояние на ломы и бульдозеры.

Но тело Бойда Бойетта было у Барри. Он и хотел бы убрать его куда-нибудь подальше, да не мог. «Святой отец» с толпой «ангелов» не сводили с него глаз.

Клиффорд опаздывал уже на час. Барри заплатил за две порции содовой, вновь подмигнул крашеным блондинкам в кожаных юбках и удалился, проклиная всех адвокатов в целом и своего в частности.

Ему нужен был новый адвокат, который звонил бы ему, когда он того хотел, встречался бы с ним, чтобы выпить, и нашел бы таких присяжных, которых можно было бы купить. Настоящий адвокат!

И еще ему необходимо было, чтобы дело перенесли, отложили, отсрочили – все, что угодно, только бы замедлить его ход и дать Барри возможность собраться с мыслями.

Он закурил сигарету и неторопливо пошел по улице. Стояла жара. Контора Клиффорда находилась в четырех кварталах от ресторана. Его адвокат хочет ускорить суд! Ну и идиот! При существующей системе быстрый суд никому не выгоден. Так нет, Джером Клиффорд торопится изо всех сил. Он объяснил Барри недели три назад, что им следует спешить. Раз нет тела, так и нет дела, и так далее и тому подобное. А если они будут тянуть, то тело могут найти, а поскольку Барри единственный и удобный подозреваемый, убийство сенсационное и на прокурора давят со всех сторон, к тому же Барри действительно убил и виноват на все сто, им следует поторопиться с судом. Барри был просто потрясен. Они яростно поспорили в офисе Роми, и с тех пор отношения между ними испортились.

После того спора, когда они немного успокоились, Барри похвастался, что тело никогда не найдут. Он избавился уже от многих трупов и знал, как это делается. С Бойеттом пришлось поторопиться, и, хотя он не прочь перепрягать парнишку, тот все равно упакован надежно, и ни Рой, ни агенты ФБР его не потревожат.

Барри хихикнул про себя, шагая по улице и вспоминая тот разговор.

– И где же труп? – спросил тогда Клиффорд.

– Ты вовсе не хочешь этого знать, – ответил Барри.

– Разумеется, хочу. Весь мир хочет знать. Давай, рассказывай, если у тебя хватит храбрости.

– Ты вовсе не хочешь этого знать.

- Валяй. Выкладывай.
- Тебе это не понравится.
- Говори.

Барри шелчком отбросил сигарету на мостовую и чуть не расхохотался вслух. Не надо было говорить это Джерому Клиффорду. Совсем по-детски поступил, но какой от того вред? Этому человеку можно доверять тайны, как адвокат, он не имел права разглашать услышанное от клиента. Он с самого начала обижался, что Барри не просветил его насчет всех смачных подробностей.

Джером Клиффорд был таким же скользким пройдохой, как и его клиенты, так что если на них была кровь, он желал эту кровь видеть.

- Ты помнишь день, когда исчез Бойетт?
- Конечно. Шестнадцатое января.
- Помнишь, где ты был в этот день?

Роми встал из-за стола, подошел к стене и посмотрел на небрежно составленное расписание по месяцам.

- В Колорадо. На лыжах катался.
- А я позаимствовал у тебя ключи от дома.
- Ага, ты встречался с женой доктора.
- Верно. Только ей не удалось вырваться, так я вместо нее привез туда сенатора.
- Роми замер, открыл рот и уставился на клиента горящим взглядом.
- Он прибыл в багажнике, и я его у тебя оставил, – продолжал Барри.
- Где? – недоверчиво спросил Роми.
- В гараже.
- Врешь!
- Под лодкой, которую уже лет десять никто не трогал.
- Врешь!

Входная дверь в контору Клиффорда была заперта. Барри подергал ее и выругался. Он прикурил еще сигарету и посмотрел вокруг, разыскивая знакомый черный «линкольн». Он найдет этого жирного ублюдка, даже если на это потребуются вся ночь.

У Барри был приятель в Майами, которого однажды привлекли по целой серии обвинений, связанных с наркотиками. Ему попался хороший адвокат, который тянул и откладывал дело два с половиной года, пока судья не потерял терпение и не назначил судебное заседание. За день до выборов жюри приятель Барри убил своего хорошего адвоката, и судья был вынужден снова отложить дело. Суда так и не было.

Если Роми неожиданно умрет, суд будет отложен на месяцы, а может, даже на годы.

Глава 3

Рикки попятился назад, прочь от дерева, нашел узенькую тропинку и побежал.

– Рикки! – позвал Марк. – Эй, Рикки, подожди!

Но Рикки не остановился. Марк еще раз взглянул на человека, лежащего на машине с пистолетным дулом во рту. Марк посмотрелся досыта.

– Рикки! – снова окликнул он брата и припустился к тропинке. Впереди бежал Рикки. Было в его беге что-то странное. Руки он держал прижатыми к телу, а сам наклонился так, что трава била его по лицу. Он спотыкался, но не падал. Марк схватил его за плечи и повернул к себе. Рикки был похож на зомби – бледный, с остекленевшими глазами. Дышал он тяжело и часто, заунывно подвывал. Говорить он не мог. Он вырвался из рук Марка и снова побежал, продолжая выть, а трава все стегала его по лицу. Марк помчался за ним через ручей к дому.

Лес поредел, показался полуразвалившийся забор, окружавший большую часть трейлерной стоянки. Двое малышей швыряли камнями в банки, установленные рядом на капоте разбитой машины. Рикки прибавил скорости и пролез через дыру в заборе. Он перепрыгнул через канаву, пробежал между двумя трейлерами и выскочил на улицу. Марк бежал вплотную за ним. Теперь, когда Рикки запыхался, непрерывный вой стал громче.

Дом на колесах, в котором жила семья Марка, был двенадцати футов в ширину и тридцати футов в длину. Припаркован он был вместе с сорока другими такими же вдоль Восточной улицы. Владельцу всего этого хозяйства, Такеру, принадлежали еще трейлеры вдоль Северной, Южной и Западной улиц. Все эти улицы пересекались в разных направлениях.

То была сравнительно приличная стоянка, довольно чистая, с несколькими деревьями, множеством велосипедов и десятком брошенных машин. Ухабы на дорогах не позволяли ездить быстро. Из-за громкой музыки или другого шума мистер Такер немедленно, как только узнавал, вызывал полицию. Его семье принадлежали вся земля и большинство трейлеров, включая номер 17 на Восточной улице, который Дайанна Свей снимала за двести восемьдесят долларов в месяц.

Рикки вбежал в незапертую дверь и упал на диван в прихожей. Казалось, он плачет, но слез видно не было. Он подтянул колени к животу, скорчившись, словно ему было холодно, и сунул большой палец правой руки в рот. Марк внимательно наблюдал за ним.

– Рикки, – попросил он тихо, тряся брата за плечо, – поговори со мной. Поговори со мной, слышишь, Рикки? Все в норме.

Но Рикки только энергично сосал палец. Глаза его были закрыты, тело сотрясала дрожь.

Марк оглядел прихожую и кухню и убедился, что все на том же месте, как и час назад, когда они уходили. Час назад! А казалось, что прошло несколько дней. Садилось солнце, и в комнатах становилось темнее. Как обычно, книги и рюкзаки, с которыми они ходили в школу, громоздились на кухонном столе. Привычная записка от мамы лежала рядом с телефоном. Он подошел к раковине и налил воды в чистую кофейную чашку. Ужасно хотелось пить. Марк выпил воду и взглянул в окно на соседний трейлер. Потом услышал чавкающие звуки и взглянул на брата. Тот сосал палец. По телевизору Марк однажды видел, как после землетрясения некоторые дети в Калифорнии тоже сосали пальцы. Разные врачи возились с ними. Но и через год эти несчастные ребята не вынимали пальца изо рта.

Чашка задела ранку на губе, и он вспомнил, что лицо его в крови. Он побежал в ванную комнату и посмотрел на себя в зеркало. На лбу, прямо под волосами, виднелась небольшая, еле заметная шишка. Левый глаз заплыл и выглядел ужасно. Он налил в раковину воды и смыл кровь с нижней губы. Хоть она и не распухла, было все равно больно. Ну да ничего, после драки в школе он порой выглядел куда хуже. Марк был парень крутой.

Достав из холодильника кубик льда, он плотно прижал его к щеке под глазом. Потом подошел к дивану и внимательно посмотрел на брата, который спал, засунув большой палец в рот. Было уже почти полшестого, и скоро должна была вернуться мать после девятичасовой утомительной смены на фабрике, выпускавшей электрические лампочки. В ушах его до сих пор звенело от выстрелов и оплеух его покойного «приятеля» Роми, но он уже начал понемногу соображать. Он сел на диван в ногах у Рикки и стал медленно водить льдом вокруг глаза.

Если он не позвонит по 911, могут пройти дни, пока кто-нибудь найдет тело. Последний выстрел звучал совсем глухо, и Марк был уверен, что, кроме них, его никто не слышал. Он бывал на той полянке много раз, но только сейчас сообразил, что никогда там никого не видел. Почему Роми выбрал именно это место? Он ведь был из Нового Орлеана, верно?

Марк просмотрел по телевизору массу детективов и хорошо знал, что любой звонок по 911 записывается. А он не хотел, чтобы его записывали. Он никогда не расскажет никому, даже маме, что ему пришлось только что пережить. Вот только нужно немедленно обсудить все с младшим братом, чтобы врать одинаково.

– Рикки, – позвал он, дергая брата за ногу. Тот застонал, но глаз не открыл, только плотнее свернулся в калачик. – Рикки, проснись же!

Единственным ответом на его призыв была дрожь, пробежавшая по телу мальчика, как будто ему было холодно. Марк нашел в кладовке одеяло и закрыл брата, потом завернул горсть кубиков льда в посудное полотенце и аккуратно приложил компресс к левому глазу. Ему не хотелось никому объяснять, что произошло с его физиономией.

Он уставился на телефон и вспомнил про ковбоев в фильмах про индейцев, окруженных трупами, над которыми кружили сарычи, и все беспокоились, что надо похоронить мертвецов, пока до них не добрались стервятники. Через час стемнеет. Сарычи ночью нападают или нет? Про такое ничего в кино не было.

И без того мысль о толстом адвокате в одном ботинке, лежащем там с пистолетом во рту, может, до сих пор истекающем кровью, была достаточно жуткой, а тут еще эти сарычи, рвущие его на части. Марк не выдержал и взял трубку. Он набрал 911 и откашлялся:

– Гм, там мертвый дяденька в лесу, и, может, кому-нибудь надо поехать и забрать его. – Он старался говорить по возможности басом, но с первого же слова понял, что его попытка изменить голос вряд ли удастся. Он тяжело дышал, шишка на лбу болела.

– Назовите себя, пожалуйста, – ответил женский голос, почти как у робота.

– Ну, я вообще-то не хотел бы говорить, понимаете.

– Нам нужно твое имя, сынок. – Ну блеск, она уже поняла, что он мальчишка. А Марк-то надеялся, что по крайней мере она сочтет его за подростка.

– Так вам рассказать о нем или не надо? – спросил он.

– Где же он?

Ну, пошло-поехало, подумал он, вот он уже и рассказывает, да не тому, кому можно доверять, а человеку в форме, работающему в полиции. Он представил себе, как будет звучать этот записанный на пленку разговор в суде, как будет повторяться снова и снова для присяжных: он видел такое в одном кино. Потом начнутся все эти сравнения голосов и станет ясно, что это Марк Свей по телефону рассказывает о трупe, о котором никто в мире больше не знает. Он сделал еще одну попытку говорить басом:

– Он недалеко от трейлерной стоянки Такера и...

– На Уиппл-роуд?

– Точно. В лесу между трейлерной стоянкой и шоссе номер семнадцать.

– Так человек в лесу?

– Вроде. Вообще-то он лежит на машине, а машина стоит в лесу.

– И он мертв?

– Этот человек застрелился, верняк. Из пистолета, прямо в рот, так что я уверен, что он мертвый.

– А ты это видел? – Голос женщины был уже не таким профессионально сдержанным. Похоже, она взволновалась.

«Надо же задать такой идиотский вопрос, – подумал Марк. – Видел ли я его?» Она тянет время, хочет, чтобы он не вешал трубку, а полиция тем временем выяснит, откуда он звонит.

– Сынок, ты его видел? – снова спросила она.

– Конечно, видел.

– Скажи, как тебя зовут, сынок.

– Послушайте, там есть узкая грунтовая дорога, она идет от шоссе номер семнадцать до небольшой поляны в лесу. Машина большая и черная, а мертвый дяденька лежит на ней. Если вы не найдете, считайте, что вам не повезло. Привет.

Марк повесил трубку и долго сидел, глядя на телефон. В трейлере стояла полная тишина. Он подошел к двери и выглянул из-за грязной занавески на улицу, ожидая увидеть мчащиеся со всех сторон полицейские машины – громкоговорители, эксперты, пуленепробиваемые жилеты и все такое.

Надо действовать. Он снова потряс Рикки за руку, обратив внимание, какая она липкая и холодная. Но Рикки спал и сосал палец. Марк осторожно взял его за талию и потащил по узенькому коридору в их спальню, где уложил в постель. Рикки что-то пробормотал, немного повертелся и быстро свернулся в клубочек. Марк прикрыл его одеялом и закрыл дверь.

Потом написал записку матери, что Рикки плохо себя чувствует и спит, поэтому, пожалуйста, потише, и что он вернется через час. Дайанна не требовала, чтобы мальчики были дома к ее приходу, но если они уходили, то должны были оставить записку.

Марк не слышал отдаленного гула вертолета.

Направляясь к тропинке, Марк закурил сигарету. Два года назад в одном из домов в пригороде, недалеко от трейлерной стоянки, исчез новый велосипед. Ходили слухи, что его видели за одним из домов на колесах и что двое мальчишек, живущих в трейлерах, сняли с него все что можно и перекрасили. Ребята из пригорода считали соседей ниже себя и называли трейлерными. Так как они ходили в одну и ту же школу, эти две группы ежедневно дрались друг с другом. Все преступления и хулиганские поступки, совершаемые в пригороде, автоматически считались делом рук трейлерных ребятишек.

Велосипед украл Кевин, подросток-хулиган с Северной улицы. Он показывал его своим приятелям, прежде чем перекрасить. Марк тоже его видел. Слухи все нарастали, и полицейские заинтересовались этим делом. Однажды вечером раздался стук в дверь. В расследовании упоминалось имя Марка, и полицейский хотел его кое о чем расспросить. Он целый час сидел за кухонным столом и таранился на Марка. Это было совершенно не похоже на телевидение, где подозреваемый абсолютно спокоен и даже подсмеивается над легавым.

Марк ни в чем не признался, но зато потом три ночи не спал и дал себе клятву жить честно и не впутываться ни в какие дела.

Но тут беда была настоящая, куда хуже украденного велосипеда: покойник, который перед смертью открыл ему свои тайны. Интересно, он правду говорил? Он был в стельку пьян, да и крыша у него поехала, все болтал о каком-то волшебнике. Только зачем ему врать?

Марк знал, что у Роми был пистолет, он даже сам держал его в руках и дотрагивался до курка. И из этого пистолета был убит человек. Наверное, это преступление – видеть, как человек кончает с собой, и не пытаться помешать.

Никогда ни одна душа ничего от него не услышит! Роми уже ничего не скажет. С Рикки можно будет договориться. Промолчал же Марк насчет велосипеда, промолчит и сейчас. Никто никогда не узнает, что он был в машине.

Вдали слышался вой сирен, а затем равномерное жужжание вертолета. Когда вертолет приблизился, Марк спрятался под дерево. Так, осторожно, пригнувшись, он пробирался сквозь траву и кусты, пока не услышал голоса.

Везде сверкали огни: голубые – у полицейских автомобилей, красные – у «скорой помощи». Вокруг черного «линкольна» сгруппировались белые полицейские машины из Мемфиса. Оранжево-белая «скорая помощь» как раз подъезжала, когда Марк подкрался к поляне. Никто не казался взволнованным или обеспокоенным.

Роми пока не трогали. Один полицейский делал снимки, другие смеялись. Верещали рации, совсем как в кино. Из-под тела текла кровь вниз по бело-красным подфарникам. Пистолет все еще был у него в руке, лежащей поперек толстого живота. Голова склонилась набок, глаза теперь были закрыты. Подошли санитары и осмотрели его. Они грязно шутили, а полицейские хохотали. Все четыре дверцы машины были распахнуты. Полицейские тщательно осматривали все внутри и снаружи. Никто не делал попытки забрать тело. Вертолет сделал последний круг и улетел.

Марк сидел в кустах, футах в тридцати от дерева и того бревна, на котором они курили. Отсюда ему прекрасно были видны поляна и толстый адвокат, лежащий на лимузине, как дохлая корова на середине дороги. Подъехала еще одна полицейская машина, потом еще одна «скорая помощь». Из машины с величайшей осторожностью вынули белые пакетики с чем-то невидимым. Двое полицейских в резиновых перчатках свернули шланг. Фотограф просовывал голову в каждую дверцу и сверкал вспышкой. Время от времени кто-нибудь останавливался и бросал взгляд на Роми, но большинство попивали кофе из пластмассовых стаканчиков и бесечно болтали. Один полицейский наклонился вместе с радиопередатчиком у номерного знака и ждал ответа.

Наконец из первой машины «скорой помощи» вынесли носилки и положили на траву у заднего бампера «линкольна». Два санитары схватили Роми за ноги и слегка подтолкнули его, а два других поймали его за руки. Полицейские наблюдали и подсмеивались над грузностью мистера Клиффорда – они уже знали его имя. Они спрашивали, не требуется ли еще санитаров, чтобы поднять его толстую задницу, не надо ли укрепить носилки и все такое, и вообще влезет ли он в машину. Процесс укладывания адвоката на носилки тоже сопровождался хохотом.

Один из полицейских положил пистолет в пакет. Носилки впили в машину «скорой помощи», но дверцы не закрыли. Мигая желтым светом, прибыл тягач и остановился перед передним бампером «линкольна».

Марк подумал о Рикки и его пальце во рту. Что, если ему нужна помощь? Мама скоро придет домой. Вдруг она попытается его разбудить и испугается? Ему нужно срочно идти. Вот сейчас выкурит еще сигаретку и пойдет.

Он услышал шорох сзади, но не обратил на него внимания. Просто ветка хрустнула. Внезапно он почувствовал, как большая рука схватила его за шиворот, и кто-то произнес:

– В чем дело, малыш?

Марк резко повернулся и оказался лицом к лицу с полицейским. Он замер, и дыхание у него перехватило.

– Что ты тут делаешь, сынок? – спросил полицейский, слегка приподнимая Марка. Больно не было, но Марк понял, что надо слушаться. – Вставай, парнишка. Не бойся.

Марк встал, и полицейский отпустил его. Другие полицейские на поляне слышали их и стали поворачивать головы в их сторону.

– Что ты здесь делаешь?

– Просто смотрю, – ответил Марк.

Полицейский фонариком показал на полянку. Солнце уже село, и через двадцать минут совсем стемнеет.

- Пошли туда, – бросил он.
- Мне домой надо, – сказал Марк.
- Полицейский обнял Марка за плечи и повел сквозь заросли.
- Как тебя зовут?
- Марк.
- А фамилия?
- Свей. А ваша?
- Харди. Значит, Марк Свей? – повторил полицейский задумчиво. – Ты живешь на трей-
лерной стоянке Такера, верно?
- Хоть отрицать это было трудно, Марк почему-то заколебался.
- Да, сэр.
- Они присоединились к другим полицейским, которые теперь стояли тихо, поджидая
мальчика.
- Эй, ребята, это Марк Свей, тот самый, кто позвонил по телефону, – возвестил Харди. –
Ведь это ты позвонил по телефону, правда, Марк?
- Он хотел было соврать, но в данной ситуации вряд ли в этом был смысл.
- Угу. Да, сэр.
- А как ты обнаружил тело?
- Мы с братом играли.
- Где играли?
- Здесь, недалеко. Мы вон там живем, – добавил он, показывая вдаль за деревья.
- Травку курили?
- Нет, сэр.
- Уверен?
- Да, сэр.
- Держись подальше от наркотиков, парень.
- Их окружало по меньшей мере шесть полицейских, и вопросы сыпались со всех сторон:
- Как же ты нашел машину?
- Ну, мы вроде случайно на нее наткнулись.
- Когда именно?
- Да я не помню. Мы просто гуляли в лесу. Мы тут постоянно бродим.
- Брата-то как зовут?
- Рикки.
- Фамилия та же?
- Да, сэр.
- Где вы с Рикки были, когда в первый раз заметили машину?
- Под деревом. – Марк показал на дерево у них за спиной. Подошел санитар и возвестил,
что они увозят тело в морг.
- Тягач уже сдвинул с места «линкольн».
- Где сейчас Рикки?
- Дома.
- А что у тебя с лицом?
- Да так. Просто в школе подрался. – Марк машинально потрогал глаз.
- Зачем ты прятался там в кустах?
- Сам не знаю.
- Да ладно, Марк, у тебя была причина.
- Правда не знаю. Испугался, наверное. Мертвец и все такое.
- Никогда раньше мертвеца не видел?
- По телевизору только.

Один полицейский даже улынулся.

– А ты видел этого человека до того, как он застрелился?

– Нет, сэр.

– Нашел его вот так, и все?

– Да, сэр. Мы прошли под дерево и увидели машину, а потом, это, как его, тело.

– Где вы были, когда раздался выстрел?

Марк снова начал было показывать на дерево, но спохватился:

– Я не понимаю, о чем это вы.

– Мы знаем, что ты слышал выстрел. Где ты был в это время?

– Я не слышал никакого выстрела.

– Уверен?

– Уверен. Мы гуляли и натолкнулись на него здесь, и мы побежали домой, и я позвонил по 911.

– А почему ты не назвал себя?

– Не знаю.

– Да ладно, Марк, должна же быть причина.

– Не знаю. Боялся, наверное.

Полицейские обменялись взглядами, как будто играли в какую-то игру. Марк старался дышать нормально и выглядеть испуганным. Он же всего-навсего ребенок.

– Мне правда пора домой. Мама, наверное, уже беспокоится.

– Хорошо. Тогда последний вопрос, – сказал Харди. – Когда вы в первый раз увидели машину, мотор работал?

Марк судорожно соображал, но не мог вспомнить, выключил ли Роми мотор, перед тем как застрелиться. Он медленно произнес:

– Я не уверен, но, кажется, работал.

Харди кивнул на полицейскую машину:

– Залезай, отвезу тебя домой.

– Не надо. Я сам дойду.

– Слишком темно. Я тебя подвезу. Садись. – Он взял его за руку и повел к машине.

Глава 4

Дайанна Свей позвонила в детскую больницу и теперь сидела на краю кровати Рикки, дожидаясь врача. Сестра сообщила, что он приедет меньше чем через десять минут. Она также рассказала, что в школах сейчас распространен какой-то очень заразный вирус и только на этой неделе к ним поступило больше десятка детей. У него те же симптомы, так что не волнуйтесь. Дайанна пощупала лоб Рикки, чтобы узнать, нет ли температуры. Она снова потрясла его, но безрезультатно. Он продолжал лежать, свернувшись в тугой комок, дышал нормально и сосал палец. Она услышала, как хлопнула дверца машины, и пошла в гостиную.

В комнату ворвался Марк:

– Привет, мам.

– Где ты был? – резко спросила она. – Что такое с Рикки?

На пороге появился сержант Харди, и она замерла.

– Добрый вечер, мэм, – поздоровался он.

Мать повернулась к Марку:

– Что ты натворил?

Харди вошел в дом.

– Ничего особенного, мэм.

– Тогда почему вы здесь?

– Я все объясню, мэм. Это довольно длинная история.

Харди закрыл за собой дверь. Так они и стояли в маленькой комнате, неловко глядя друг на друга.

– Я слушаю.

– Ну, мы с Рикки сегодня днем играли в лесу, – начал Марк, – и увидели длинную черную машину на поляне с работающим мотором, а когда подошли поближе, то там поперек багажника лежал человек, и у него во рту был пистолет. Он был мертв.

– Мертв?

– Самоубийство, мэм, – помог сержант.

– И мы быстренько помчались домой, и я позвонил по 911.

Дайанна закрыла рот ладонью.

– Мужчину зовут Джером Клиффорд, белый, – официально доложил Харди. – Он из Нового Орлеана, и мы не представляем, зачем он сюда заявился. Умер часа два назад, не больше, так мы думаем. Оставил записку.

– А что делал Рикки?

– Ну, мы прибежали домой, он упал на диван, принялся сосать палец и не хотел разговаривать. Я отнес его в постель и укрыл.

– Сколько ему годков? – нахмурившись, спросил Харди.

– Восемь.

– Можно взглянуть на него?

– Зачем? – спросила Дайанна.

– Я беспокоюсь. Он стал свидетелем чего-то ужасного, и у него может быть шок.

– Шок?

– Да, мэм.

Дайанна быстро прошла через кухню и дальше по коридору. За ней шли Харди и Марк, который, сжав зубы, качал головой.

Харди снял одеяло с плеч Рикки и дотронулся до его руки. Большой палец был по-прежнему во рту. Он потряс мальчика, позвал по имени, и Рикки на секунду приоткрыл глаза и что-то пробормотал.

– У него кожа холодная и влажная. Он что, болел? – спросил Харди.

– Нет.

Зазвонил телефон. Дайанна бегом кинулась к нему. Марк и Харди из спальни могли слышать, как она рассказывала врачу о симптомах и о том, что мальчики нашли мертвого человека.

– Он что-нибудь сказал, когда вы увидели мертвеца? – тихо спросил Харди.

– Вроде нет. Все так быстро произошло. Мы, ну, как увидели, так сразу и побежали. Он только стонал и бормотал всю дорогу, и бежал как-то странно, руки прямые и вниз опущены. Я никогда не видел, чтобы он так бегал, а дома он свернулся калачиком и с тех пор ничего не говорит.

– Надо отправить его в больницу, – сказал Харди.

Марк почувствовал, как задрожали колени, и прислонился к стене, чтобы не упасть. Дайанна повесила трубку и вернулась в спальню.

– Доктор говорит, чтоб мы его везли в больницу. – Она была в панике.

– Я вызову «скорую помощь», – предложил Харди, направляясь к машине. – Соберите ему что-нибудь из одежды. – Он исчез, оставив дверь открытой.

Дайанна посмотрела на Марка, который чувствовал себя так скверно, что вынужден был сесть на стул у кухонного стола.

– Ты правду говоришь? – спросила она.

– Да, мам. Мы увидели мертвого, и Рикки, наверное, трусил, и мы помчались домой. – Потребовались бы часы, чтобы он смог говорить правду. Вот останутся они одни, тогда он, может, передумает и расскажет все, как было на самом деле. Присутствие же полицейского все усложняло. Он матери не боялся и, как правило, признавался во всем, если она настаивала. Ей было всего тридцать лет, матери всех его приятелей были старше. Тяжелые испытания, которые выпали на их долю по вине отца, связали их куда крепче и глубже, чем обычно бывает в отношениях между матерью и сыном. Ему было неприятно ей врать. Но она была ужасно перепугана, а то, что рассказал ему Роми, не имело никакого отношения к состоянию Рикки. Внезапно он почувствовал резь в животе, и перед глазами все поплыло.

– Что с твоим глазом?

– В школе подрался. Не я первый начал.

– Ты всегда не виноват. Ты в порядке?

– Думаю, что да.

В дверь ввалился Харди:

– «Скорая помощь» будет через пять минут. В какую больницу повезем?

– Врач сказал, в больницу Святого Петра.

– Какой врач?

– Педиатр. Он сказал, что вызовет для Рикки детского психиатра. – Нервничая, она закурила сигарету. – Как вы думаете, он поправится?

– За ним надо присмотреть, возможно, оставить в больнице, мэм. Мне и раньше приходилось видеть такую реакцию у детей, ставших свидетелями перестрелки или поножовщины. Это приводит к глубокой травме, так что требуется время, чтобы отойти. В прошлом году один ребенок видел, как его мать застрелил торговец наркотиками, тут неподалеку, так он еще до сих пор в больнице.

– А сколько ему лет?

– Было восемь, теперь девять. Не говорит. Сосет палец и играет в куклы. Смотреть невозможно.

Дайанна больше ничего не хотела слышать.

– Пойду соберу его вещи.

– Вы и для себя что-нибудь возьмите на всякий случай, мэм. Может быть, вам придется с ним остаться.

- А как же Марк?
- Когда ваш муж приходит домой?
- У меня нет мужа.
- Тогда соберите вещи и для Марка. Возможно, придется там и заночевать.

Дайанна стояла на кухне с сигаретой в руке и старалась собраться с мыслями. Она была напугана и не знала, как поступить.

- У меня нет медицинской страховки, – пробормотала она, отвернувшись к окну.
- Больница Святого Петра лечит бесплатно. Так что собирайтесь.

Вокруг машины «скорой помощи», остановившейся у дома номер 17 по Восточной улице, собралась толпа. Все перешептывались и наблюдали за санитарями, прошедшими в дом.

Харди положил Рикки на носилки. Его привязали ремнями и накрыли одеялом. Рикки попытался было свернуться в клубок, но толстые ремни не дали ему это сделать. Он дважды простонал, но глаз так и не открыл. Дайанна осторожно высвободила его правую руку, дав ему возможность снова засунуть палец в рот. Глаза ее были влажными, но она не плакала.

Когда санитары подошли с носилками, толпа расступилась, дав им дорогу к задней дверце машины. Они погрузили Рикки, Дайанна залезла следом. Некоторые из соседей произнесли сочувственные слова, но водитель захлопнул дверцу, не дав ей возможности ответить. Марк уселся в полицейскую машину рядом с Харди, который нажал на кнопку, и на крыше машины зажглись голубые огни, сразу же отразившиеся в окнах ближайших трейлеров. Толпа посторожилась, и Харди тронулся с места. «Скорая помощь» последовала за ним.

Марк был чересчур взволнован и испуган, для того чтобы интересоваться радио, микрофонами, пистолетами и другими приспособлениями. Он сидел тихо и молчал.

- Так ты правду говоришь, сынок? – внезапно спросил Харди, став снова полицейским.
- Да, сэр. О чем?
- О том, что ты видел.
- Да, сэр. Вы мне не верите?
- Я этого не говорил. Просто все немного странно.

Марк помолчал несколько секунд, но когда стало очевидно, что Харди ждет от него ответа, спросил:

- Что странно?

– Многое. Первое: ты позвонил, но назвать себя отказался. Почему? Если вы с Рикки просто случайно набрали на тело, то отчего не назвать свое имя? Второе: ты зачем-то снова вернулся туда и спрятался в лесу. Только те, кто напуган, прячутся. Почему ты просто не вернулся на поляну и не рассказал нам все, что ты видел? Третье: если вы с Рикки видели одно и то же, то почему он в таком состоянии, а ты в полном порядке? Понимаешь, о чем я говорю?

Марк немного подумал и понял, что сказать-то ему нечего. Потому он промолчал. Машина быстро двигалась к центру города. Занимательно было наблюдать, как другие машины уступали ей дорогу. Красные огни «скорой помощи» светились в нескольких метрах сзади.

- Ты не ответил на мой вопрос, – наконец произнес Харди.
- Какой вопрос?
- Почему ты не назвал себя, когда звонил?
- Ну, я перепугался, вот. Я впервые видел мертвеца, и я испугался. Мне до сих пор страшно.
- Тогда зачем ты тайком вернулся на поляну? Почему пытался от нас спрятаться?
- Ну, я боялся, понимаете, но все равно хотелось увидеть, что там происходит. Это же не преступление, правда?
- Может, и нет.

Они съехали с шоссе и теперь пробирались среди других машин. Уже показались высокие здания в центре Мемфиса.

– Надеюсь, что ты говоришь правду, – заметил Харди.

– А вы мне не верите?

– Есть кое-какие сомнения.

Марк проглотил комок в горле и посмотрел в боковое окно.

– А почему у вас сомнения?

– Могу рассказать тебе, что я думаю, малыш. Хочешь послушать?

– Конечно, – сказал Марк без всякого энтузиазма.

– Так вот, я думаю, что вы бежали в лес курить. Я нашел несколько свежих окурков у того дерева. Я думаю, вы сидели под деревом, покуривали и видели все от начала до конца.

Сердце Марка ушло в пятки, и он весь покрылся холодным потом. Однако он помнил, что очень важно оставаться спокойным. Просто не надо обращать внимания. Харди там не было. Он ничего не видел. Он почувствовал, как дрожат руки, и сунул их под себя. Харди внимательно наблюдал за ним.

– А вы арестовываете детей за курение? – спросил Марк несколько осевшим голосом.

– Нет. Но дети, врущие полицейским, могут попасть в большую беду.

– Да я не вру, честно! Я там раньше курил, не сегодня. Мы просто шли лесом, думали, может, покурить, и наткнулись на машину и Роми.

Харди немного колебался, потом спросил:

– А кто такой Роми?

– Ну, того человека так зовут, разве нет?

– Роми?

– Разве вы не так его называли?

– Нет. Я сказал твоей матери, что его зовут Джером Клиффорд и что он из Нового Орлеана.

– А я думал, вы сказали – Роми Клиффорд из Нового Орлеана.

– Что это за имя – Роми?

– А я откуда знаю?

Машина повернула направо, и Марк посмотрел вперед.

– Это больница Святого Петра?

– Так здесь написано.

Харди припарковался в сторонке, и они вместе смотрели, как машина «скорой помощи» пятится задом к входу в приемное отделение.

Глава 5

Достопочтенный Рой Фолтригг, прокурор США по Южному округу, Новый Орлеан, штат Луизиана, республиканец, аккуратно пил из банки томатный сок, вытянув ноги на заднем сиденье своего сделанного на заказ «шевроле-универсала», пока тот мягко мчался по скоростному шоссе. Мемфис находился в пяти часах езды к северу, и он бы мог воспользоваться самолетом, но не сделал этого по двум причинам. Прежде всего – бумажная волокита. Разумеется, он мог сослаться на то, что это официальная поездка, связанная с делом Бойда Бойетта, и если кое-где кое-что преувеличить, то, возможно, и сошло бы. Но получить назад деньги удалось бы только через несколько месяцев после заполнения восемнадцати различных форм. Второе, и самое существенное, – он не любил летать. Если бы он подождал три часа до рейса, то еще через час, а именно в одиннадцать вечера, был бы в Мемфисе. Но и так они будут там к полуночи. Он никому не признавался, что боится самолетов, и понимал, что когда-нибудь ему придется обратиться по этому поводу к психиатру. А пока он на собственные деньги приобрел этот великолепный «универсал», напичканный всевозможными приспособлениями, снабженный телевизором, двумя телефонами и даже факсом. В нем он колесил по Южному округу Луизианы. За рулем всегда сидел Уолли Бокс. В «шевроле» было значительно приятнее и удобнее, чем в любом другом лимузине.

Рой медленно снял туфли и устался в окно на ночной пейзаж, проносящийся мимо. Специальный агент Ларри Труманн сидел с радиотелефоном у уха. На другом конце мягкого сиденья разместился помощник прокурора Томас Финк, верный сотрудник Фолтригга, занимающийся делом Бойетта восемьдесят часов в неделю. На него же свалится и вся работа в суде, в основном черновая, тогда как наиболее легкую и впечатляющую часть возьмет на себя сам босс. Как обычно, Финк изучал очередной документ и одновременно прислушивался к бормотанию агента Труманна, сидящего напротив него на вращающемся кресле. Агент вел переговоры с отделением ФБР в Мемфисе.

Рядом с Труманном, в таком же вращающемся кресле, сидел специальный агент Скиппер Шерфф, который делом Бойетта занимался мало, но так случилось, что у него оказалось свободное время для этой «увеселительной» поездки в Мемфис. Он что-то писал в блокноте. Этим он и будет заниматься все последующие пять часов, потому что в этом тесном кружке власть имущих ему абсолютно нечего было сказать, да никто и не захотел бы его слушать. Он будет сидеть, послушно записывая в блокнот указания своего начальника, Ларри Труманна, и, разумеется, самого главного – достопочтенного Роя. Шерфф не отрываясь смотрел на свою писанину, изо всех сил стараясь не встречаться глазами с Фолтриггом и тщетно пытаясь разобрать, что там Мемфис говорит Труманну. Известие о смерти Клиффорда поступило к ним в офис только час назад, и Шерфф до сих пор не мог понять, как он попал в машину Роя, несущуюся сейчас по автостраде, и зачем он с ними едет. Труманн только приказал ему сбегать домой, собрать кое-какие вещи и немедленно идти в офис Фолтригга. Что он и сделал. Так что теперь оставалось только писать и слушать.

Шофер Уолли Бокс, хоть и имел юридическое образование, знать не знал, что с ним делать. Официально он, как и Финк, числился помощником прокурора, но на самом деле был у Фолтригга мальчишкой на побегушках. Он водил его машину, носил за ним его дипломат, писал ему речи, общался с прессой. Последнее занимало половину его времени, поскольку шеф очень заботился о своем имидже. Бокс был далеко не дурак. Он поднаторел в политических интригах, всегда поддерживал своего босса и был предан как ему самому, так и его делу. Фолтригга ожидало большое будущее, и Бокс был уверен, что в один прекрасный день он будет шептаться с важным видом с этим великим человеком, прогуливаясь вокруг Капитолийского холма.

Бокс понимал, какое значение имеет дело Бойетта. Это будет самый крупный судебный процесс в блистательной карьере прокурора, такой, о котором тот мечтал и который сделает его известным всей стране. Бокс знал, что Фолтригг ночей не спит, придумывая, как доказать вину Барри Ножа Мальданно.

Ларри Труманн закончил разговор и отложил телефон. Ему было чуть за сорок, опыта ему было не занимать, а до пенсии оставалось еще десять лет. Фолтригг ждал, что он скажет.

– Они пытаются уговорить полицию в Мемфисе передать нам машину, чтобы мы могли ею вплотную заняться. Это займет часа два. Им нелегко объяснить там все насчет Клиффорда и Бойетта, но кое-какие сдвиги уже намечаются. Начальник нашей конторы в Мемфисе Джейсон Мактьюн – парень крутой, и убеждать умеет. Он как раз сейчас беседует с начальником полиции Мемфиса. Мактьюн связался с Вашингтоном, оттуда позвонили в Мемфис, так что через два часа мы машину получим. Единственный выстрел в голову, очевидное самоубийство. Судя по всему, он сначала старался покончить с собой, надев шланг на выхлопную трубу, но это почему-то не сработало. Он пил таблетки кодеина и запивал их виски. О пистолете ничего не известно, но еще слишком рано. Мемфис сейчас этим занимается. Дешевенький, 38-го калибра. Решил, что может проглотить пулю.

– Это точно самоубийство? – спросил Фолтригг.

– Абсолютно точно.

– И где же он все проделал?

– Где-то к северу от Мемфиса. Заехал в лес на своем «линкольне» и застрелился.

– Полагаю, свидетелей не было?

– Вроде бы нет. Мальчишки нашли тело на поляне.

– Много времени прошло после самоубийства?

– Нет. Через несколько часов они произведут вскрытие и установят точное время смерти.

– Почему Мемфис?

– Неясно. Если и была причина, мы о ней еще не знаем.

Фолтригг раздумывал над информацией, потягивая томатный сок. Финк делал пометки в блокноте. Шерфф старательно писал. Уолли Бокс ловил каждое слово.

– Как насчет предсмертной записки? – спросил Фолтригг, поглядывая в окно.

– Тут есть кое-что любопытное. У наших ребят в Мемфисе есть копия, не очень хорошая, и они попытаются передать нам ее по факсу через несколько минут. Похоже, он написал ее черными чернилами, и почерк достаточно разборчив. Пара строк для секретарши относительно похорон – он просит, чтобы его кремировали, – и указания насчет того, как распорядиться мебелью в офисе. Сказано также, где завещание. Разумеется, о Бойетте ни слова. Потом он, судя по всему, пытался что-то добавить синей шариковой ручкой, но в ней кончилась паста, как только он начал писать. Там каракули, трудно разобрать.

– И что там?

– Не знаю. Все у мемфисской полиции: записка, пистолет, таблетки, все вещественные доказательства из машины. Они и шариковую ручку без пасты нашли в машине, похоже, что та самая, с помощью которой он пытался что-то приписать к записке.

– К нашему приезду они ее получают? – спросил Фолтригг тоном, который подразумевал, что он, вне сомнения, ожидает иметь в руках записку немедленно по прибытии в Мемфис.

– Они стараются, – ответил Труманн. Вообще-то Фолтригг не был его начальником, но это дело уже миновало стадию расследования, перейдя в стадию обвинения, а здесь достойный Рой был главным.

– Значит, Джером Клиффорд поехал в Мемфис и высадил себе мозги? – спросил Фолтригг, все еще глядя в окно. – За четыре недели до суда. Что еще в этом деле может пойти шиворот-навыворот?

На ответ он и не рассчитывал. Все сидели молча, ожидая, когда Рой снова заговорит.

– Где Мальданно? – наконец осведомился он.

– В Новом Орлеане. Мы следим за ним.

– К полуночи у него будет новый адвокат, а к завтрашнему полудню он подаст десяток ходатайств об отсрочке на том основании, что трагическая смерть Джерома Клиффорда нарушает его конституционное право на справедливый суд при участии защитника. Мы, разумеется, будем возражать, и судья назначит слушание на следующей неделе, и мы проиграем, и пройдет по меньшей мере полгода, пока назначат новый суд. Полгода! Это надо же!

Труманн покачал головой:

– Это хоть даст нам больше времени на поиски тела.

Тут он был прав, и, конечно, Рой сам об этом думал. Ему тоже требовалось время, только он не мог в этом признаться, будучи прокурором, представителем народа и правительства, которому следовало бороться с преступлениями и коррупцией. Он был прав, справедливость была на его стороне, и он должен был быть всегда и везде готов сражаться со злом. Он торопился с судом, зная, что он прав, и надеялся добиться приговора. Соединенные Штаты Америки должны победить! И проводником этой победы станет Рой Фолтригг. Он уже мысленным взором видел газетные заголовки и чуял запах типографской краски.

Ему было необходимо, черт побери, найти труп Бойда Бойетта, потому что иначе не будет ни приговора, ни фотографий на первой полосе, ни интервью на телевидении, ни быстрого восхождения на Капитолийский холм. Он убедил все свое окружение, что обвинительного приговора можно добиться и не имея трупа, и это было правдой. Но он не хотел рисковать. Ему нужно было найти тело.

– Мы считаем, Клиффорду было известно, где тело. Вы об этом знаете? – Финк взглянул на Труманна.

– А почему вы так думаете? – Судя по всему, Труманн этого не знал.

Финк положил бумаги на сиденье.

– Мы с Роми давно знакомы, двадцать лет назад вместе учились в юридическом колледже. Он и тогда был слегка сумасшедшим, но очень хватким. Приблизительно неделю назад он позвонил мне домой и сказал, что хотел бы поговорить о деле Мальданно. Роми был не в себе: пьян, с трудом ворочал языком и все время повторял, что не может выходить на суд. Это было довольно странно, учитывая его пылкую любовь к громким делам. Мы говорили около часа. Он то возмущался, то начинал заикаться...

– Даже плакал, – вставил Фолтригг.

– Угу, рыдал, как младенец. Я поначалу удивился, но вообще-то Клиффорд по-настоящему уже ничем не может меня удивить, сами понимаете. Даже самоубийством. Наконец он повесил трубку. На следующее утро он позвонил мне в офис в девять утра, до смерти напуганный, что накануне что-то выболтал. Он был в панике и все намекал, что, может, он и знает, где тело, пытаясь выведать, не проговорился ли он спяну. Ну, я решил ему подыграть и поблагодарил за информацию, сообщенную накануне, хотя на самом деле он ничего не сказал. Я поблагодарил его раз, потом другой, потом третий, и чувствовал, как он там весь исходит потом. В течение дня он позвонил мне еще дважды, затем вечером домой, опять пьяный. Просто комедия, и только. Я думал, что он может случайно проговориться, что мне удастся что-то выведать. И я сказал ему, что передал информацию Рою, а Рой сообщил в ФБР и что они теперь следят за ним круглосуточно.

– Это довело его до ручки, – уточнил Фолтригг.

– Да, он меня основательно выматерил, но на следующий день снова позвонил в контору. Мы вместе пообедали, и я увидел, что он просто развалился на части. Он был так перепуган, что даже не спросил прямо, знаем ли мы, где тело. Я тоже не стал ничего уточнять. Сказал ему, что к суду тело у нас наверняка будет, и еще раз поблагодарил его. Тут он совсем дошел. Видно было, что он не спал и не мылся. Глаза были налиты кровью. Он напился за обедом

и принялся обвинять меня в мошенничестве, коварном и неэтичном поведении. Сцена была препротивной. Я оплатил счет и ушел. Он мне позвонил вечером домой, на удивление трезвый, и извинился. Я сказал: не бери в голову. Добавил, что Рой всерьез подумывает обвинить его в том, что он препятствует правосудию, и это его завело. Он заявил, что у нас нет доказательств. Я ответил, что, может, и нет, но ему предъявят обвинение, арестуют и будут судить, так что он никоим образом не сможет защищать Барри Мальданно. Он орал и ругался минут пятнадцать, потом повесил трубку. Больше он мне не звонил.

– Он знает, вернее, знал, где Мальданно спрятал тело, – с уверенностью добавил Фолтригг.

– Почему нам не сообщили? – спросил Труманн.

– Мы собирались. Более того, мы с Томасом обсуждали этот вопрос сегодня днем, когда нам позвонили. – Фолтригг снизошел до этого объяснения с таким видом, будто Труманн и не должен задавать ему такие вопросы. Труманн взглянул на Шерффа. Последний не отрывал взгляда от блокнота, разрисовывая его изображениями различных пистолетов.

Фолтригг допил томатный сок и выбросил банку в мусорную корзину. Скрестил ноги.

– Вам, ребята, надо проследить продвижение Клиффорда из Нового Орлеана до Мемфиса. По какой дороге ехал? Есть ли у него там друзья? Где останавливался? С кем встречался в Мемфисе? Должен же он был хоть с кем-нибудь поговорить за то время, как покинул Новый Орлеан! Как вы думаете?

Труманн кивнул:

– Поездка длинная. Обязательно где-нибудь да останавливался.

– Он знал, где тело, и решил покончить с собой – это очевидно. Есть малюсенькая вероятность, что он кому-либо что-то рассказал.

– Возможно.

– Подумай обо этом, Ларри. Давай предположим, что ты адвокат, избави тебя Бог. И ты представляешь бандита, убившего сенатора США. Допустим, что твой подзащитный рассказал тебе, своему адвокату, где он спрятал тело. Следовательно, только два человека во всем мире знают эту тайну. И ты, адвокат, не выдержишь и решаешь покончить с собой. Планируешь все заранее. Ты знаешь, что умрешь. Ты покупаешь таблетки, виски, пистолет, водопроводный шланг, едешь пять часов подальше от дома и стреляешься. Скажи, хотелось бы тебе поделиться с кем-нибудь своим секретом, а?

– Возможно. Не знаю.

– Но такое может быть?

– Может.

– Прекрасно. Значит, мы должны все тщательно расследовать. Я бы начал со служащих в его конторе. Узнайте, когда он уехал из Нового Орлеана. Проверьте его кредитные карточки. Где он заправлялся? Где ел? Где купил пистолет, таблетки и выпивку? Может, у него где-нибудь в округе есть семья? Старый приятель-юрист? Надо проверить тысячу вещей.

Труманн передал телефон Шерффу:

– Звони в контору. Позови Хайтаура к телефону.

Фолтриггу было приятно видеть, как фэбээровцы послушно следуют его указаниям. Он самодовольно усмехнулся и подмигнул Финку. На полу между ними стоял ящик с документами и уликами, относящимися к делу «США против Барри Мальданно». Еще четыре таких ящика остались в конторе. Финк знал их содержимое на память, о Рое того же сказать было нельзя. Он достал одно дело и полистал его. Это был многостраничный запрос в суд, который подал Джером Клиффорд два месяца назад и по которому не было принято еще никакого решения. Он положил дело и снова уставился в окно на пробегающий мимо ночной пейзаж штата Миссисипи. Впереди находился выезд из штата – городок Боуг-Читто. И откуда они брали подобные названия?

Поездка много времени не займет. Ему нужно удостовериться, что Клиффорд действительно мертв и что он действительно покончил жизнь самоубийством. Он должен знать, не оставил ли Роми какого-нибудь следа, вроде признаний друзьям или болтовни с незнакомыми людьми. Конечно, вряд ли что обнаружится. Но в деле Бойда Бойетта и его убийцы они уже много побегали впустую. Так что это будет не первый и скорее всего не последний эпизод.

Глава 6

Человек в желтом спортивном костюме вбежал через вращающиеся внутренние двери приемного отделения и спросил о чем-то сестру, сидящую за заляпанным окошком. Она показала пальцем, и он направился к Дайанне, Марку и Харди, стоящим около автомата с кока-колой в углу холла приемного отделения благотворительной больницы Святого Петра.

– Психиатр доктор Саймон Гринуэй, – представился он Дайанне, а на полицейского и Марка не обратил внимания. Доктор объяснил, что несколько минут назад ему позвонил доктор Сейдж и Дайанна должна пойти с ним.

Харди остался с Марком.

Дайанна и доктор поспешили, обходя медсестер и санитаров, передвижные носилки и стоящие вдоль стен кровати, и исчезли за дверью в конце коридора. В приемной сидела дюжина больных и будущих пациентов. Ни одного свободного кресла. Родственники заполняли документы. Никто никуда не торопился. Где-то непрерывно бормотал громкоговоритель, ежеминутно вызывая добрую сотню докторов.

Было начало восьмого.

– Есть хочешь, Марк? – спросил Харди.

Есть он не хотел, но и оставаться здесь – тоже.

– Немного.

– Пошли в кафетерий. Куплю тебе гамбургер.

Они протолкались сквозь народ, заполняющий коридор, и спустились на один пролет вниз по лестнице, в подвал, где тоже было полно куда-то спешащих людей. Еще по одному коридору они попали в кафетерий, в котором народу было больше, чем в школьной столовой во время обеда. Харди показал на единственный свободный столик в углу, и Марк уселся там ждать.

Сейчас он больше всего беспокоился о своем братишке. Он волновался, хотя Харди и уверил его, что смерть Рикки не угрожает. Он еще сказал, что разные доктора будут с ним разговаривать и пытаться привести его в чувство. Но на это потребуется время. Он объяснил, что докторам очень важно знать, что же на самом деле случилось, правду и только правду, а если им эту правду не рассказать, это может повредить Рикки. Харди сказал, что Рикки могут отправить в сумасшедший дом на месяцы, а может, на годы, если врачи не будут знать правду о том, что мальчики видели.

Харди был ничего себе, только не слишком умен и делал ошибку, разговаривая с Марком так, как будто ему пять лет, а не одиннадцать. Он сильно перестарался, описывая обитые мягким стены палат, чтобы больной не смог разбить о них голову. Он уверял, закатывая глаза, что больных привязывают к кроватям цепями. Совсем как если бы рассказывал страшную историю у костра. Марк просто устал от него.

Он почти ни о чем не мог думать, кроме как о Рикки и о том, вытащит ли он палец из рта и начнет ли говорить. Марку ужасно хотелось, чтобы это произошло, но ему необходимо поговорить с ним первым, когда шок пройдет. Им есть что обсудить.

Что, если врачи или, не дай Бог, полицейские доберутся до него первыми и Рикки расскажет им все, что случилось, и они узнают, что Марк врёт? Что они с ним сделают за вранье? Может, они не поверят Рикки? Раз он так отключился и какое-то время ничего не соображал, то, может, они скорее поверят Марку? О возможных противоречиях в их рассказах даже думать не хотелось.

Просто поразительно, как одна ложь тянет за собой другую. Маленько приврал, вроде бы ничего страшного, затем уже ничего не остается, как врать дальше. Сначала люди тебе верят и ведут себя соответственно, а ты уже ловишь себя на том, что сожалеешь: почему сразу не сказал

правду? Мог бы ведь и он не врать ни полицейским, ни матери. Мог подробно рассказать, что видел Рикки. И главной тайны бы не выдал, потому что Рикки ее и не знал.

Все происходило так быстро, что он не успевал соображать. Ему хотелось затащить мать в отдельную комнату, запереть дверь и выложить все, пока он окончательно не запутался. Если он что-нибудь быстро не предпримет, то может попасть в тюрьму, а Рикки – в дурдом для детей.

Появился Харди с подносом, на котором стояли тарелки с жареной картошкой и чизбургерами – два для Харди и один для Марка. Он аккуратно расставил еду на столе и пошел отнести поднос.

Марк немного поклевал картошку, Харди накинулся на котлеты.

– Так что случилось с твоим лицом? – спросил Харди, энергично жуя.

Марк потерял шишку и вспомнил, что пострадал в сражении.

– Да ничего особенного, просто в школе подрался.

– С кем же?

Черт! И не надоест ему! Придется снова врать. Его уже тошнило от вранья.

– Вы его не знаете, – сказал он и надкусил чизбургер.

– Может, я захочу с ним поговорить?

– Зачем?

– Разве у тебя не было из-за этой драки неприятностей? Например, учитель таскал тебя к директору или что-нибудь в этом роде?

– Нет. Уроки уже закончились.

– А говорил, что подрался в школе.

– Ну, в школе вроде все началось, ясно? Мы с этим парнем поцапались за обедом и договорились встретиться после школы.

Харди с силой потянул через соломинку молочный коктейль. Проглотил, откашлялся и спросил:

– Так как того парня зовут?

– А зачем вам?

Харди рассердился и перестал жевать. Марк старался не встречаться с ним взглядом, низко наклонился над тарелкой и уставился на кетчуп.

– Я – полицейский, парень. Работа такая – задавать вопросы.

– А я должен отвечать?

– Разумеется. Разве только если ты чего-то скрываешь и боишься отвечать... В таком случае мне придется пригласить твою мать и всем вместе отправиться в участок для допроса.

– Допроса о чем? Что именно вы хотите знать?

– Кто тот парень, с которым ты подрался сегодня в школе?

Марк все жевал и жевал картошку. Харди принялся за второй чизбургер, испачкав рот майонезом.

– Не хочу, чтобы ему влетело.

– Не влетит.

– Тогда зачем вам его имя?

– Знать хочу. Работа такая, понял?

– Вы считаете, что я вру, правда? – жалобно спросил Марк, глядя в крупное лицо полицейского.

Тот прекратил жевать.

– Не знаю, парень. В твоей версии полно дыр.

Марк посмотрел еще жалобнее:

– Не могу же я все помнить. Все так быстро было. А вы хотите, чтобы я рассказал все подробности. Я так хорошо не помню.

Харди отправил в рот остатки картошки.

- Ешь. Нам пора возвращаться.
- Спасибо за ужин.

Рикки поместили в отдельную палату на девятом этаже. На большой вывеске около лифта было написано «ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ», и там было значительно тише. Не такой яркий свет, более спокойные голоса и меньше спешки. Около лифта стоял стол для дежурной медсестры, откуда легко обзоревались все выходящие из лифта. Здесь же находился второй охранник, который шептался с сестрами и наблюдал за коридорами. Вниз по коридору, в стороне от палат, была небольшая гостиная без окон, где имелись телевизор, различные автоматы, лежали журналы.

Кроме Марка и Харди, в гостиной никого не было. Марк потягивал «Спрайт», уже третью по счету банку, и смотрел повтор «Блюзов Хилл-стрит» по кабельному телевидению, а Харди спокойно дремал на ужасно маленькой кушетке. Было почти девять вечера. Полчаса назад Дайанна водила его в палату Рикки, чтобы он мог быстренько на него взглянуть. Рикки казался таким крошечным под простыней! Дайанна объяснила, что ему внутривенно вводили питание, так как он не ел. Она уверила его, что с Рикки все будет в порядке, но Марк по ее глазам видел, что она обеспокоена. Доктор Гринуэй скоро вернется; он хотел бы поговорить с Марком.

- Он что-нибудь сказал? – спросил Марк, разглядывая капельницу.
- Нет, ни слова.

Она взяла его за руку и по полутемному коридору повела в гостиную. Раз пять Марк уже совсем было собрался все ей рассказать. Они проходили мимо пустой комнаты недалеко от палаты Рикки, и он решил было затащить ее туда и покаяться. Но передумал. «Потом, – говорил он себе, – я все расскажу ей потом».

Харди его больше ни о чем не спрашивал. Его смена кончалась в десять, и было очевидно, что ему надоело все: и Марк, и Рикки, и больница.

Хорошенькая медсестра в короткой юбке прошла мимо лифта и поманила Марка за собой. Он встал со стула, все еще держа «Спрайт» в руке. Медсестра взяла его за другую руку, и в этом было что-то необыкновенное. Ногти у нее были красные и длинные. Кожа гладкая и загорелая. Светлые волосы и превосходная улыбка. И она была молодой. Звали ее Карен, и руку его она сжала крепче, чем было необходимо. Сердце Марка забилося неровно.

– С тобой хочет поговорить доктор Гринуэй, – сказала она, наклоняясь к нему на ходу. От нее пахло духами. Такого приятного запаха Марк не мог припомнить.

Она подвела его к палате номер 943, где лежал Рикки, и выпустила руку. Дверь была закрыта, она легонько постучала и открыла ее. Марк медленно вошел, а Карен хлопнула его по плечу. Сквозь полуоткрытую дверь он видел, как она уходит.

На этот раз на докторе Гринуэе была белая сорочка с галстуком, а сверху – белый халат, на левом верхнем кармашке прикреплен картончик с его именем. Он был очень худ, носил очки и бороду и казался слишком молодым для такой работы.

– Входи, Марк, – пригласил он уже после того, как мальчик вошел в палату. Доктор стоял в ногах кровати Рикки. – Садись вот тут, – показал он на пластмассовый стул рядом с раскладушкой около окна. Говорил он тихо, почти шепотом. Дайанна сидела на кровати, подобрав под себя ноги. Туфли ее валялись на полу. На ней были голубые джинсы и свитер, и она не сводила глаз с Рикки, к руке которого тянулась трубка от капельницы. Горела лишь лампа на столике около ванной комнаты. Жалюзи были плотно закрыты.

Марк уселся на пластмассовый стул, а доктор Гринуэй – на край раскладушки поближе к нему. Он морщился, хмурился и был так мрачен, что Марк на мгновение решил, что все они умрут.

– Мне нужно поговорить с тобой о случившемся, – сказал доктор. Теперь он уже не шептал. Да и понятно, Рикки находился где-то в другом измерении, так что разбудить его они при

всем желаним не могли. Дайанна все еще отрешенно смотрела на Рикки. Марку так хотелось остаться с ней наедине, рассказать ей все и разобраться во всей этой путанице, но она сидела в тени за спиной врача и не обращала на него внимания.

– Он что-нибудь говорил? – первым спросил Марк. Последние три часа с Харди состояли целиком из быстрых вопросов и ответов, и Марк как-то втянулся.

– Нет.

– Он здорово болен?

– Очень, – ответил доктор Гринуэй, глядя на Марка блестящими карими глазами. – Что он видел сегодня днем?

– А вы никому не скажете?

– Все, что ты мне расскажешь, строго конфиденциально.

– А если полицейские захотят узнать, что я рассказал?

– Я не имею права им говорить. Обещаю. Все сохраню в строгой тайне. Все останется между нами – тобой, мной и твоей мамой. Мы пытаемся помочь Рикки, а для этого я должен знать, что произошло.

«Наверное, хорошая порция правды никому не помешает», – подумал Марк, глядя на светлую головку на подушке. Почему, ну почему они просто не убежали, когда черная машина остановилась на поляне? Неожиданно его охватило глубокое чувство вины. Он один во всем виноват. Он не должен был связываться с этим сумасшедшим.

Губы Марка задрожали, глаза наполнились слезами. Он почувствовал озноб. Пришла пора признаваться. Он уже не знал, что дальше врать, да и Рикки нужна была помощь. Доктор не сводил с него глаз.

И тут мимо двери медленно прошел Харди. Он на секунду затормозил и встретился взглядом с Марком, потом исчез. Но Марк знал, что он где-то поблизости. Гринуэй его не заметил.

Марк начал с сигарет. Мать сурово посмотрела на него, но если и разозлилась, никак это не проявила. Раз или два покачала головой, но не сказала ни слова. Он говорил тихо, переводя взгляд с Гринуэя на дверь и обратно. Описал дерево, лес и поляну. Потом машину. Тут он пропустил большой кусок, но признался Гринуэю тихим голосом, что он один раз пробрался к машине и снял шланг. И когда он это сделал, Рикки заплакал и описался. Рикки умолял его не делать этого. Он почувствовал, что эта часть его рассказа заинтересовала Гринуэя. Дайанна слушала без всякого выражения на лице.

Харди снова прошел мимо, но Марк сделал вид, что его не заметил. Он немного помолчал, затем рассказал, как человек выскочил из машины, увидел шланг, лежащий на траве, забрался на багажник и застрелился.

– Как далеко был Рикки? – спросил Гринуэй.

Марк оглядел комнату.

– Видите дверь по ту сторону холла? – спросил он, показывая пальцем. – Так вот как отсюда до той двери.

Гринуэй посмотрел и погладил бороду.

– Примерно сорок футов. Довольно близко.

– Очень даже близко.

– Что конкретно сделал Рикки, когда прозвучал выстрел?

Теперь Дайанна слушала внимательно. Она, видно, только что осознала, что данная версия существенно отличается от предыдущей. Она нахмурила лоб и сердито посмотрела на старшего сына.

– Прости, мам. Я трусил и не подумал. Не сердись на меня.

– Так вы своими глазами видели, как этот человек застрелился? – недоверчиво спросила она.

– Да.

- Тогда чему тут удивляться? – Она взглянула на Рикки.
- Что сделал Рикки, когда прозвучал выстрел?
- Я не смотрел на Рикки. Я смотрел на человека с пистолетом.
- Бедный малыш, – пробормотала Дайанна.
- Гринуэй поднял руку, призывая ее помолчать.
- Рикки был рядом с тобой?

Марк взглянул на дверь и виновато объяснил, как Рикки замер, потом побежал прочь, прижав прямые руки к телу, спотыкаясь и монотонно подвывая при этом. От момента выстрела до приезда «скорой помощи» он изложил события точно, со всеми подробностями. Он закрыл глаза и снова пережил каждый шаг, каждое движение. Просто чудесно было наконец иметь возможность говорить правду.

– Почему ты мне не сказал, что вы видели, как этот человек застрелился? – спросила Дайанна.

Ее слова привели в раздражение доктора Гринуэя.

– Пожалуйста, миссис Свей, обсудите это все с ним попозже, – попросил он, не отрывая взгляда от Марка. – Какое последнее слово произнес Рикки?

Марк немного подумал, все еще глядя на дверь. В коридоре было пусто.

– Я, честное слово, не помню.

В это время сержант Харди сидел вместе с лейтенантом и специальным агентом ФБР Джейсоном Мактьюном в гостиной рядом с автоматами, наливавшими соки и газированную воду. Еще один агент ФБР бродил недалеко от лифта. Больничный охранник раздраженно поглядывал на него.

Лейтенант торопливо объяснил Харди, что теперь дело в руках ФБР, что машина самоубийцы и все материальные улики переданы полицейским управлением Мемфиса ФБР, что специалисты по отпечаткам пальцев обработали всю машину и обнаружили массу отпечатков, слишком маленьких для взрослого человека, и что теперь им необходимо знать, не проговорился ли Марк и не отказался ли он от своей первоначальной версии.

– Нет, но я не уверен, что он говорит правду, – сказал Харди.

– Нет ли тут чего-нибудь, до чего он дотрагивался? – быстро спросил Мактьюн, не слишком доверяя теориям и убеждениям Харди.

– В смысле?

– Мы подозреваем, что в какой-то момент мальчишка был в машине, еще до того, как Клиффорд умер. Нам нужны его отпечатки пальцев, чтобы сравнить их с теми, что в «лин-кольне».

– Почему вы полагаете, что он был в машине? – нетерпеливо перебил его Харди.

– Я потом объясню.

Харди оглядел гостиную и неожиданно показал на мусорную корзину рядом со стулом, на котором до того сидел Марк.

– Вон. Банка из-под «Спрайта». Он пил из нее, когда там сидел.

Мактьюн огляделся по сторонам и аккуратно взял банку носовым платком. Потом положил сверток в карман пальто.

– Точно его, – подтвердил Харди. – Это единственная мусорная корзина и одна-единственная банка.

– Передам нашему спецу по отпечаткам пальцев, – сказал Мактьюн. – Этот мальчишка, Марк, он здесь на ночь остается?

– Наверное, – пожал плечами Харди. – Они поставили раскладушку в палате его брата. Похоже, они здесь все заночуют. Почему ФБР интересуется Клиффордом?

– Потом объясню, – бросил лейтенант. – Побудьте здесь еще часок.

- У меня смена через десять минут кончается.
- Придется немного переработать.

Доктор Гринуэй сидел на пластмассовом стуле около кровати и изучал свои записи.

– Я через минутку уйду, вернусь завтра рано утром. Состояние мальчика стабильно, так что вряд ли за ночь что-то изменится. Сестры будут постоянно заглядывать. Позовите кого-нибудь из них, если он проснется. – Он снова полистал странички, исписанные куриным почерком, и посмотрел на Дайанну: – Мы имеем дело с тяжелым случаем посттравматического стрессового расстройства.

– Что это значит? – спросил Марк.

Дайанна потеряла виски, но глаз не открыла.

– Иногда человек становится свидетелем чего-то ужасного и не в состоянии это пережить. Рикки был очень напуган, когда ты снял шланг с выхлопной трубы, а когда он к тому же увидел, как этот человек застрелился, он столкнулся лицом к лицу с настолько ужасным зрелищем, что оказался не в силах это переварить. Его мозг отреагировал соответствующим образом. Как будто что-то лопнуло. Шок и мозга, и тела. Он сумел добежать до дома, что довольно необычно, потому что люди в таком состоянии, как у Рикки, как правило, сразу немеют и теряют способность двигаться. – Он помолчал и положил заметки на кровать. – Сейчас мы мало что можем сделать. Я надеюсь, он придет в себя завтра или самое позднее послезавтра и мы начнем обо всем говорить. Потребуется время. Он будет видеть все эти события во сне, иногда его состояние будет опять ухудшаться. Он будет отрицать случившееся, винить во всем себя. Будет чувствовать себя одиноко, ему будет страшно, возможна и депрессия.

– Как вы будете его лечить? – спросила Дайанна.

– Нужно сделать так, чтобы он чувствовал себя в безопасности. Вы должны все время быть рядом. Вы, кажется, сказали, что отец тут не поможет.

– Пусть держится подальше от Рикки, – резко произнес Марк.

Дайанна кивнула.

– Ладно. Дедушек и бабушек тоже нет?

– Нет.

– Ну что же. Очень важно, чтобы вы оба находились рядом с ним в течение следующих нескольких дней. Рикки должен чувствовать себя в безопасности. Он нуждается в вашей моральной и физической поддержке. Мы с ним будем беседовать по нескольку раз в день. Очень важно, чтобы и Марк говорил с ним о происшествии. Они должны сравнить свои реакции и поделиться впечатлениями.

– Как по-вашему, когда мы сможем вернуться домой? – спросила Дайанна.

– Я не знаю, но чем скорее, тем лучше. Он будет чувствовать себя увереннее в своей собственной спальне, в знакомой обстановке. Может, через неделю. Зависит от того, как быстро он начнет поправляться.

Дайанна подобрала под себя ноги.

– У меня ведь работа. Не знаю, что и делать.

– Мы свяжемся с вашим работодателем завтра же утром.

– У моего работодателя потогонная система. Это вам не милая, порядочная организация, где платят премии и все всё понимают. Цветов они не пошлют. Боюсь, им это не понравится.

– Сделаю что смогу.

– А школа? – спросил Марк.

– Твоя мама дала мне фамилию директора. Я завтра утром позвоню и поговорю с ним.

Дайанна снова потеряла виски. Сестра, не хорошенькая, а другая, постучала, прежде чем войти. Она подала Дайанне две таблетки и чашку воды.

– Это далмейн, – пояснил Гринуэй. – Чтобы вы отдохнули. Если не поможет, попросите сестер на дежурном пункте, и они дадут вам что-нибудь по сильнее.

Сестра ушла, а Гринуэй встал и пощупал лоб Рикки.

– Итак, до утра. Поспите немного. – Он в первый раз за все время улыбнулся и закрыл за собой дверь.

Они остались одни, маленькая семья Свеев, или, вернее, то, что от нее осталось. Марк подошел к матери и прислонился к ее плечу. Оба смотрели на светлую головку на большой подушке на расстоянии вытянутой руки от них.

Дайанна похлопала его по руке:

– Все обойдется, Марк. Мы бывали в переделках и похуже. – Она обняла его, и он закрыл глаза.

– Прости, мам. – Он почувствовал, что сейчас заплачет. – Мне очень жаль, что все так вышло.

Она еще крепче прижала его к себе. Он тихо плакал, спрятав лицо в ее блузке.

Она осторожно легла, все еще держа Марка в объятиях, и они свернулись вместе на дешевом поролоновом матрасе под окном. Кровать Рикки была на два фута выше. В палате царил полумрак. Марк перестал плакать. Он вообще-то не очень умел это делать.

Лекарство начинало действовать, да она и так была без сил. Девять часов упаковывать лампы в картонные коробки, а потом пять часов всего этого ужаса, и теперь снотворное. Она уже почти погрузилась в сон.

– Тебя уволят, мам? – спросил Марк. Он беспокоился о том, на что они будут жить, не меньше, чем она.

– Не знаю. Подумаем об этом завтра.

– Нам надо поговорить, мам.

– Я знаю. Но лучше завтра.

– А почему не сейчас?

– Я очень устала и хочу спать, Марк. – Она разжала объятия, дыхание стало глубоким, глаза слипались. – Обещаю тебе, мы обо всем поговорим прямо с утра. Тебе ведь надо мне кое-что объяснить, верно? Теперь пойдешь почисти зубы, и давай постараемся заснуть.

Неожиданно и Марк почувствовал, что устал. Из дешевого матраса выступала жесткая металлическая перекладина, и он отодвинулся поближе к стене и натянул на себя единственную простыню. Мать погладила его по руке. Он уставился на стену в шести дюймах от своего носа и решил, что ему не удастся заснуть и за неделю.

Мать дышала ровно и не шевелилась. Он вспомнил Роми. Где он сейчас? Где теперь его жирное тело с лысой головой? Ему припомнилось, как Роми потел и как пот катился с его сверкающей лысины, капая и с бровей, и за воротник. Даже уши были мокрые. Кому достанется его машина? Кто ее вычистит и смоет кровь? А кто получит пистолет? Тут только Марк осознал, что в ушах у него больше не звенит от выстрела в машине. Интересно, Харди еще в гостинице и пытается поспать? Вернутся ли завтра полицейские, чтобы снова задавать вопросы? Сколько они их зададут, тысячу?

Он смотрел в стену, и спать ему совершенно расхотелось. Сквозь жалюзи виднелись уличные огни. Наверное, лекарство подействовало, потому что мама дышала медленно и глубоко. Рикки лежал неподвижно. Марк смотрел на слабый свет над столом и вспоминал Харди и других полицейских. Может, они за ним следят? За ним будет установлена слежка, совсем как в кино? Ну конечно же, нет.

Так он лежал минут двадцать, потом ему надоело. Пора на разведку. Однажды, когда он был в первом классе, отец пришел домой поздно, в стельку пьяный, и устроил скандал. Они подрались, трейлер шатался, и Марк открыл окошко в своей комнате и спрыгнул на землю. Он долго бродил вокруг, потом пошел в лес. Ночь была жаркой и душной, небо – звездным, и он

посидел немного на холме над стоянкой. Молился, чтобы с его мамой ничего не случилось. Он просил Бога послать ему семью, в которой можно спокойно, без страха, спать и где никто бы не обижал друг друга. Почему у них все шиворот-навыворот? Тогда на холме он провел два часа. Когда он вернулся, в доме было тихо. С тех пор и начались его ночные прогулки, доставлявшие так много удовольствия.

Марк был мальчиком думающим и беспокойным, и когда он просыпался ночью или вовсе не мог уснуть, то отправлялся в тайные путешествия. Он крался, как воришка, в тени трейлеров. И многое узнавал. Видел, как вылезали из окон любовники. Становился свидетелем мелких преступлений и краж, но никогда и никому ничего не говорил. Он полюбил в ясные ночи сидеть на холме над стоянкой и курить. Уже давно Марк не боялся, что мать его накроет. Слишком тяжело она работала и слишком крепко спала.

Его не пугали незнакомые места. Он прикрыл мать простыней, сделал то же самое с Рикки и тихо притворил за собой дверь. В холле было темно и тихо. Красотка Карен, сидя за небольшим столиком, заполняла журнал. Она одарила Марка чудесной улыбкой и прекратила писать. Он сказал, что хочет сходить в кафетерий и выпить апельсинового сока и знает, как туда добраться. Вернется через минуту. Карен улыбнулась ему, и он почувствовал, что влюблен.

Харди уже не было. В гостиной никого, только телевизор работал. Шли «Герои Ногана». В пустом лифте он спустился в подвал.

В кафетерии тоже почти никого не было. Мужчина с обеими ногами в гипсе напряженно застыл в инвалидной коляске около одного из столиков. Одна рука была на перевязи. Голова забинтована, и создавалось впечатление, что человек обрит наголо. Он явно чувствовал себя ужасно скверно.

Марк заплатил за стакан сока и уселся за столик рядом с человеком в гипсе. Тот поморщился от боли и оттолкнул от себя тарелку с супом. Потом принялся тянуть сок через соломинку и только тут заметил Марка.

– Как дела? – спросил Марк, улыбнувшись. Он легко сходился с людьми, а этого человека ему было очень жалко.

Тот взглянул на него и отвернулся. Он снова поморщился и попытался устроиться поудобнее. Марк старался не смотреть на него.

Внезапно появился мужчина в белой рубашке с галстуком. Он нес поднос, на котором стояли кофе и еда, и устроился за соседним столиком, напротив человека в гипсе. На Марка он не обратил внимания.

– Здорово досталось, – сказал он, широко улыбаясь. – Что случилось?

– Дорожное происшествие, – ответил пострадавший, страдальчески морщась. – Столкновение с грузовиком фирмы «Эк-сон». Придурок ехал на красный свет.

Улыбка стала еще шире, кофе и еда позабыты.

– Когда это произошло?

– Три дня назад.

– Вы сказали, грузовик фирмы «Эксон»? – Человек встал и быстро перешел за столик пострадавшего, одновременно доставая что-то из кармана. Он взял стул и неожиданно оказался всего в паре дюймов от ног в гипсе.

– Да, – устало подтвердила жертва автокатастрофы.

– Меня зовут Джилл Тил. – Человек подал ему белую карточку. – Я адвокат, специализирующийся на автокатастрофах, особенно тех, в которых виноваты большегрузные машины. – Тил проговорил все это очень быстро, как будто подцепил крупную рыбу и должен действовать без промедления, иначе она уйдет. – Это мой конек. Дела с большими грузовиками. Восемнадцатиколесные. Самосвалы. Цистерны. Вы только скажите, я тут как тут. – Он протянул руку через стол: – Я – Джилл Тил.

Пострадавшему повезло, что его правая рука осталась целой, так что он, без особого, правда, энтузиазма, протянул ее через стол этому дельцу, не теряющему ни минуты:

– Джо Фэррис.

Джилл энергично потряс руку и подготовился к решительному броску.

– Что тут у вас – обе ноги сломаны, сотрясение мозга, несколько открытых ран?

– И сломанная ключица.

– Великолепно. Значит, речь идет о полной потере трудоспособности. Чем вы занимаетесь? – спросил Джилл, задумчиво потирая подбородок. Карточка лежала на столе, Джо ее не трогал. На Марка оба не обращали внимания.

– Крановщик.

– Член профсоюза?

– Да.

– Так! И грузовик ехал на красный свет. Сомнений в том, кто виноват, нет?

Джо нахмурился и снова задвигался, и даже Марку было ясно, что ему уже надоел Джилл со своей навязчивостью. Он отрицательно покачал головой.

Джилл сделал торопливые пометки на бумажной салфетке, улыбнулся Джо и возвестил:

– Я берусь добиться для вас шестисот тысяч долларов. Себе я беру треть, так что вам достанется четыреста тысяч. Как минимум. Четыреста тысяч, разумеется, без налогов. Мы завтра же возбудим дело.

По выражению лица Джо было видно, что он все это уже проходил. Джилл замер, гордый собой, уверенный, с полуоткрытым ртом.

– Я говорил с другими адвокатами, – заявил Джо.

– Я добьюсь для вас большего, чем кто-то другой. Я этим зарабатываю себе на жизнь – делами, связанными с грузовиками. Я и раньше привлекал «Эксон» к ответственности, знаю там всех юристов и служащих лично, и они меня ужасно боятся, потому что я сразу беру их за горло. Джо, это настоящая война, а лучше меня в городе никого нет. Я умею играть в их грязные игры. Только что провел дело с грузовиком почти на полмиллиона. Как только мой клиент меня нанял, они швырнули ему деньги. Я не хвастаюсь, Джо, я действительно лучший в городе для таких дел.

– Утром мне позвонил адвокат и сказал, что может получить для меня миллион.

– Он врет. Как его звали? Макфей? Снодграсс? Я их всех знаю. Они от меня все время получают пинки, да и вообще я DD сказал, что шестьсот тысяч – это минимум. Может быть и гораздо больше. Черт, Джо, да если мы доведем это дело до суда, кто знает, сколько жюри присяжных нам присудит! Я каждый день в суде и всем даю сто очков вперед. Шестьсот тысяч – минимум. Вы уже наняли кого-нибудь? Подписали контракт?

Джо покачал головой:

– Нет еще.

– Дивно. Слушайте, Джо, у вас ведь жена и дети, так?

– Бывшая жена и трое детей.

– Значит, вы платите на детей, правильно? Сколько?

– Пять сотен в месяц.

– Не много. И потом, счета. Вот что мы сделаем. Я вам буду давать по тысяче в месяц в счет вашей будущей компенсации. Если дело протянется три месяца, я удержу три тысячи. Если оно займет два года, а этого не произойдет, тогда я вычту двадцать четыре тысячи. Или сколько там выйдет. Вы меня понимаете, Джо? Сейчас и наличными.

Джо снова шевельнулся и посмотрел на стол.

– Тот, другой адвокат, что вчера ко мне приходил, сказал, что даст мне две тысячи сейчас и потом по две тысячи в месяц.

– Кто это был? Скотт и Мосс? Роб Ламоук? Я знаю этих парней, сплошной мусор. Дорогу к залу суда и ту не найдут. Им нельзя доверять. Они некомпетентны. Но я согласен – две тысячи сейчас и по две тысячи ежемесячно.

– А еще один адвокат из большой фирмы предложил десять тысяч авансом и неограниченный кредит.

Это прикончило Джилла, и прошло не меньше десяти секунд, прежде чем он заговорил:

– Слушайте меня, Джо. Дело ведь не в величине аванса, поняли? Дело в том, сколько мне удастся получить для вас с «Эк-сон». И никто, повторяю, никто не сумеет получить больше меня. Никто. Слушайте, я дам вам сейчас пять тысяч и разрешу брать с моего счета столько, сколько потребуется, для уплаты по счетам. Договорились?

– Я подумаю.

– Нельзя терять время. Надо шевелиться. Улики могут исчезнуть. Люди начинают забывать. Большие фирмы работают крайне медленно.

– Я же сказал, что подумаю.

– Могу я позвонить вам завтра?

– Нет.

– Почему нет?

– Черт побери! Мне эти проклятые адвокаты спать не дают, все звонят. Я и поесть не могу, чтобы кто-то не влез. В этой дерьмовой больнице больше адвокатов, чем врачей!

На Джилла эти эмоции впечатления не произвели.

– Тут кругом полно акул, Джо. Куча поганных адвокатов, которые проиграют вам дело. Печально, но факт. В нашей профессии народу перебор, так что адвокаты повсюду стараются найти себе дело. Но не ошибитесь, Джо, справьтесь обо мне. Посмотрите в специальном журнале. Там мое объявление на целую полосу в три краски, Джо. Поспрашивайте о Джилле Тиле, и вы узнаете, чего он стоит.

Джилл вытащил еще карточку и подал ее Джо. Попрощался и ушел, так и не притронувшись к еде на подносе.

Джо страдал. Он схватился здоровой рукой за колесо и медленно покатил прочь. Марк хотел было предложить помощь, потом решил не вмешиваться. Обе карточки Джилла остались на столе. Мальчик допил сок и взял одну из карточек.

Марк сказал красотке Карен, что не может спать и будет смотреть телевизор, так что, если он кому нужен, его можно найти там. Он полистал телефонный справочник, наблюдая повтор передачи «Привет!» и потягивая «Спрайт» из очередной банки. Харди, да благословит его Бог, отвалил ему после ужина восемь четвертаков.

Карен пришла с одеялом и накрыла ему ноги. Она похлопала его по руке своими длинными тонкими пальцами и отплыла прочь. Марк следил за каждым ее шагом.

Действительно, мистеру Джиллу Тилу была посвящена целая страница в адвокатском разделе «желтой прессы» Мемфиса. Как, впрочем, и еще дюжине других адвокатов. Там была напечатана его удачная фотография: Джилл стоит перед зданием суда, пиджак снят, рукава рубашки закатаны. Подпись под фото: «Я БОРЮСЬ ЗА ВАШИ ПРАВА!» Сверху крупным красным шрифтом вопрос: «ВЫ ПОСТРАДАЛИ В КАТАСТРОФЕ?» И снизу зелеными буквами: «ЕСЛИ ТАК, ЗВОНИТЕ ДЖИЛЛУ ТИЛУ – ОН ТО, ЧТО НАДО!» Еще ниже, синим, Джилл перечислял дела, которые он когда-либо вел. Таковых были сотни. Травяные косилки, электрошок, дети-уроды, автокатастрофы, взрывы бойлеров. Небольшая карта в углу страницы указывала, где весь мир может найти Джилла Тила, – здесь, через улицу, напротив здания суда.

Марк услышал знакомый голос и увидел на телеэкране Джилла Тила, стоящего у входа в приемное отделение и повествующего о несчастных потерпевших и жуликоватых страховых

компаниях. На заднем плане мелькали красные огни, бегали санитары. Но у Джилла все схвачено, и он займется вашим делом без всякого аванса. Никакого гонорара, если он не выиграет.

Тесен мир! Только что он видел его лично и подобрал одну из его визитных карточек, рассматривал его фотографию в журнале, а теперь он обращается к Марку с экрана телевизора.

Марк закрыл телефонную книгу и положил ее на заваленный всякой ерундой стол. Подтянул повыше одеяло и решил поспать.

Может, завтра он позвонит Джиллу Тилу.

Глава 7

Фолтригг обожал, когда его сопровождали. Особый восторг он испытывал в те минуты, когда торжественно проходил через холл или спускался по ступенькам здания суда сквозь толпу журналистов с жужжащими камерами, а впереди, раздвигая всех, бежал Уолли Бокс, на манер быка на корриде, и сбоку Томас Финк или какой другой помощник, отмахивающийся от идиотских вопросов. Прокурор провел много приятных часов, просматривая видеозаписи подобных выходов. Момент он всегда выбирал самый удачный. Он усовершенствовал свою походку, научился поднимать вверх руки, терпеливым жестом показывая, что он, как человек государственной важности, и рад был бы ответить на вопросы, да времени нет. Впоследствии Уолли соберет репортеров на тщательно отрепетированную пресс-конференцию, на которую прибудет сам Рой, с трудом оторвавшийся от своей тяжелой работы, и проведет какое-то время во вспышках блицев. Небольшая библиотека в прокурорских апартаментах была превращена в комнату для пресс-конференций, оборудованную и прожекторами, и звукоусилительной системой. В запертом на ключ шкафу Рой хранил косметику.

Когда он входил в начале первого ночи в федеральное здание на главной улице Мемфиса, его сопровождал эскорт в лице Уолли, Финка и агентов ФБР Труманна и Шерффа, вот только не было толпы репортеров. По правде сказать, никто вообще его не ждал, за исключением Джейсона Мактьюна, который сидел в офисе ФБР вместе с двумя другими агентами и потягивал остывший кофе. Так что никаких торжественных встреч.

Быстро представившись, все набились в тесный офис Мактьюна. Фолтригг уселся на единственное свободное место. Мактьюн был агентом с двадцатилетним стажем, которого перевели в Мемфис против воли и который считал дни и месяцы, оставшиеся до отъезда на северо-западное побережье Тихого океана. Он устал и был раздражен из-за того, что шел уже первый час ночи. О Фолтригге он слышал, но встречаться им не доводилось. По слухам, тот был напыщенным ослом.

Агент, которого не представили и не назвали, закрыл дверь. Мактьюн уселся в свое кресло за письменным столом. Изложил основные данные: обнаружение машины, ее содержимое, пистолет, рана, время смерти и так далее.

– Мальчишку зовут Марк Свей. Он сказал полицейским, что они с братом наткнулись на тело и позвонили в полицию. Они живут неподалеку, на трейлерной стоянке. Младший мальчик в посттравматическом шоке и сейчас в больнице. Марк и его мать, Дайанна Свей, разведена, тоже там же. Отец живет здесь, в городе, и привлекался по всяким мелким делам. Пьянство, драки и так далее. Потенциальный преступник. Так или иначе, но мальчишка врет.

– Я не смог прочесть записку, – прервал Фолтригг, умиравший от желания что-нибудь сказать. – Факс никудышный. – Сказано это было таким тоном, как будто плохой факс, полученный им, Роем Фолтриггом, в машине, подтверждал несоответствие Мактьюна и всего мемфисского ФБР занимаемым должностям.

Мактьюн взглянул на Ларри Труманна и Скиппера Шерффа, прислонившихся к стене, и продолжил:

– Я немного погодя об этом скажу. Мы знаем, что мальчишка врет, потому что он говорит, что появился там уже после того, как Клиффорд застрелился. Очень сомнительно. Его отпечатки пальцев – по всей машине, внутри и снаружи. На приборной доске, дверце, бутылке виски, пистолете – всюду. Мы добыли его отпечатки пару часов назад, и наши люди тщательно поработали над машиной. Они закончат завтра, но уже сейчас совершенно очевидно, что мальчик был внутри. Что он там делал – другой вопрос. Мы также нашли его отпечатки у задних фар, как раз над выхлопной трубой. А под деревом недалеко от машины обнаружены три свежих сигаретных окурка. Мы подумали: дети есть дети, стащили сигареты у матери и отпра-

вились покурить. Они занимались своим делом, когда неожиданно появился Клиффорд. Они спрятались и стали за ним наблюдать. Там густая растительность, так что это нетрудно. Может, они подползли к машине и сняли шланг. Тут мы не совсем уверены, а ребяташки не говорят. Младший вообще пока не может говорить, а Марк, совершенно очевидно, врет. Так или иначе, шланг не сработал.

Мы пытаемся снять с него отпечатки пальцев, но это дело тяжелое. Может, ничего и не получится. Утром у меня будут фотографии, показывающие расположение шланга на момент появления полиции.

Мактьюн выудил желтый блокнот из хаоса на своем столе. Сказал, обращаясь к блокноту, а не к Фолтриггу:

– Клиффорд выстрелил по меньшей мере один раз внутри машины. Пуля прошла практически точно через центр бокового стекла, которое треснуло, но не выпало. Час назад закончилось вскрытие, и у Клиффорда обнаружено большое количество далмейна, кодеина и перкодана. Плюс высокое содержание алкоголя в крови. Иными словами, как заявили патологоанатомы, он был пьян как свинья. Я хочу сказать, он не только достаточно свихнулся для того, чтобы застрелиться, но еще был пьян и под кайфом, так что тут трудно что-либо определить точно. Он был не в состоянии действовать рационально.

– Понятно, – нетерпеливо кивнул Рой. Уолли Бокс застыл за ним подобно хорошо выдрессированному терьеру.

Мактьюн не обратил на это слово никакого внимания.

– Пистолет дешевенький, 38-го калибра, куплен без разрешения в лавке старьевщика здесь, в Мемфисе. Мы допрашивали хозяина, но он отказался говорить без адвоката, так что мы допросим его завтра утром, вернее, уже сегодня утром. Из квитанции ясно, что он заправлялся в Вейдене, штат Миссисипи, приблизительно в полутора часах езды отсюда. Обслуживала его девчонка, которая говорит, что, ей кажется, он останавливался около часа дня. Останавливался ли где еще, не знаем. Секретарша сообщила, что из конторы он уехал в девять утра, сказал, что ему надо выполнить поручение клиента. С той поры до нашего звонка она об адвокате ничего не слышала. Получается, что он выехал из Нового Орлеана где-то вскоре после девяти, ехал пять или шесть часов в направлении Мемфиса, однажды только остановился, чтобы заправить машину, потом заехал в город купить пистолет, двинул в лес и застрелился. Может, останавливался пообедать, может, чтобы купить виски, может, еще куча всяких вещей. Мы продолжаем искать.

– Почему Мемфис? – спросил Уолли Бокс. Фолтригг кивнул, явно одобряя вопрос.

– Он здесь родился, – торжественно промолвил Мактьюн, глядя на Фолтригга с таким видом, как будто каждый предпочитает умереть там, где родился. Ответ был не без юмора, но, поскольку Мактьюн при этом сохранил серьезное выражение лица, Фолтригг юмора не понял. Мактьюн и раньше слышал, что умом тот не блещет.

– По всей вероятности, семья переехала, когда он был еще ребенком, – объяснил он после паузы. – Клиффорд пошел в школу в Райсе и потом в юридический колледж в Тулейне.

– Мы вместе учились в юридическом колледже, – сказал Финк с гордостью.

– Это замечательно. Записка была написана от руки каким-то черным фломастером. Его не нашли ни в машине, ни в его карманах. – Мактьюн взял листок бумаги и протянул его через стол: – Вот. Это оригинал. Поосторожнее с ним.

Уолли Бокс схватил листок и передал Фолтриггу, который принялся его изучать. Мактьюн потер глаза и продолжил:

– Только распоряжения насчет похорон и указания для секретарши. Посмотрите там, снизу. Такое впечатление, что он пытался что-то приписать синей шариковой ручкой, но в ручке не было пасты.

Фолтригг поднес записку поближе:

– Тут написано: «Марк, Марк, где...» Дальше не разобрать.

– Верно. Почерк отвратительный, да и паста кончилась, но эксперты того же мнения: «Марк, Марк, где...» Они еще полагают, что, когда Клиффорд это писал, он был пьян. Ручку мы нашли в машине. Дешевенькая. Вне сомнения, та самая. У него нет ни детей, ни племянников, ни братьев, ни других родственников по имени Марк. Сейчас проверяем ближайших друзей, хотя секретарша и сказала, что таковых нет, но до сих пор не нашли никакого Марка.

– И что это значит?

– Есть один вариант. Несколько часов назад, когда Марк Свей ехал вместе с мемфисским полицейским по фамилии Харди в больницу, он обмолвился, что Роми сказал или сделал что-то. По словам секретарши Клиффорда, Роми – сокращенное от Джером. По сути дела, сказала она, многие знакомые называли его Роми, а не Джером. Откуда мальчишке это знать, если не сам Клиффорд ему об этом сказал?

Фолтригт слушал с открытым ртом.

– А вы как думаете?

– Ну, мне думается, мальчишка был в машине до того, как Клиффорд застрелился. Более того, он пробыл там довольно долго, иначе откуда столько впечатлений, и они о чем-то говорили. Затем в какой-то момент мальчик вылез из машины. Клиффорд пытается приписать что-то к записке и затем стреляет в себя. Мальчишка напуган. Его младший брат в шоке. Вот и все.

– Зачем мальчишке врать?

– Первое, повторяю, – он напуган. Второе – он еще ребенок. Третье – может, Клиффорд ему что-то такое сказал, чего он не должен был знать.

Доклад Мактьюна был предельно точным, и после драматической последней фразы в комнате воцарилась тишина. Фолтригт замер. Бокс и Финк с открытыми ртами уставились на письменный стол.

Поскольку его босс временно растерялся, Бокс агрессивно выдвинулся вперед и задал глупый вопрос:

– Почему вы так думаете?

Терпение Мактьюна в отношении прокуроров США и их приспешников истощилось двадцать лет назад. Он их много повидал за это время, научился играть в их игры и использовать в своих целях их тщеславие. Он знал, что лучший способ от них отвязаться – просто ответить.

– Из-за записки, впечатлений и вранья. Бедный парень не знает, что делать.

– Вы с мальчишкой говорили? – Фолтригт положил записку на стол и откашлялся.

– Нет. Я был в больнице два часа назад, но его не видел. С ним говорил полицейский, сержант Харди.

– А собираетесь?

– Да, через несколько часов. Думаю, в девять мы с Труманном поедem в больницу и поговорим с мальчиком и, возможно, с его матерью. Я бы также хотел побеседовать с младшим братом, но тут все зависит от врача.

– Я бы тоже хотел при этом присутствовать.

Все знали, что Фолтригт скажет именно это.

Мактьюн покачал головой:

– Неудачная мысль. Мы сами разберемся. – Голос был резким и не оставлял сомнения, кто тут старший. Тут был Мемфис, не Новый Орлеан.

– Что насчет лечащего врача? Вы с ним говорили?

– Нет еще. Сделаем это утром. Сомневаюсь, что он нам в чем-то поможет.

– Как вы думаете, дети могут рассказать доктору? – с невинным видом спросил Финк.

Повернувшись к Труманну, Мактьюн закатил глаза, как бы желая сказать: «Ну что за полудурков ты сюда привез?»

– Я не могу ответить на этот вопрос, сэр. Я не знаю, что видели дети. Я не знаю, как зовут врача. Я не знаю, говорил ли он с детьми. Я не знаю, скажут ли ему дети что-нибудь.

Фолтригг, нахмурившись, посмотрел на Финка, тот поежился. Мактьюн взглянул на часы и встал:

– Уже поздно, джентльмены. Наши люди закончат обследовать машину к полудню, и тогда мы снова встретимся.

– Мы должны знать все, что знает Марк Свей, – сказал Рой, не собираясь вставать. – Он был в машине, и Клиффорд с ним говорил.

– Я знаю.

– Да, мистер Мактьюн, но есть кое-что, чего вы не знаете. Клиффорд знал, где находится труп, и он рассказал об этом.

– Есть много вещей, которых я не знаю, мистер Фолтригг, потому что дело ведется в Новом Орлеане, а я работаю в Мемфисе, как вы сами понимаете. Я не желаю ничего больше знать о бедном мистере Бойетте и бедном мистере Клиффорде. У меня здесь своих трупов по самую задницу. Уже почти час ночи, а я все еще у себя в офисе, разговариваю с вами, отвечаю на вопросы и занимаюсь не своим делом. И я буду заниматься этим делом до полудня завтрашнего дня, а затем пусть его забирает мой приятель Ларри Труманн. С меня хватит.

– Если, разумеется, вам не позвонят из Вашингтона.

– Да, разумеется, если мне не позвонят из Вашингтона. Тогда я буду делать все, что прикажет мне мистер Войлс.

– Я разговариваю с мистером Войлсом каждую неделю.

– С чем вас и поздравляю.

– По его словам, в ФБР делу Бойетта придают первостепенное значение.

– Я слышал.

– И, я уверен, мистер Войлс по достоинству оценит ваши усилия.

– Сомневаюсь.

Рой медленно встал и воззрился на Мактьюна:

– Нам совершенно необходимо знать все, что знает Марк Свей. Поняли?

Мактьюн посмотрел ему прямо в глаза и ничего не ответил.

Глава 8

Карен несколько раз за ночь подходила к Марку, а в восемь утра принесла ему апельсиновый сок. Мальчик был один в маленькой гостиной, и она осторожно разбудила его.

Несмотря на все свои многочисленные проблемы, Марк безнадежно влюбился в эту красивую медсестру. Он пил сок и не отводил взгляда от ее сверкающих карих глаз. Она похлопала по одеялу, прикрывавшему ему ноги.

– Сколько вам лет? – спросил он.

Карен широко улыбнулась:

– Двадцать четыре. На тринадцать лет старше тебя. Почему ты спрашиваешь?

– Да так. Вы замужем?

– Нет. – Она осторожно сняла с него одеяло и принялась складывать его. – Тебе было удобно на диване?

Марк встал и потянулся.

– Лучше, чем та постель, на которой спит мама. Вы всю ночь работали?

– С восьми до восьми. У нас смены по суткам, четыре раза в неделю. Пойдем со мной. Доктор Гринуэй в палате Рикки и хотел бы с тобой поговорить. – Она взяла его за руку, что было очень приятно, и они вместе двинулись к палате Рикки. Потом Карен ушла, закрыв за собой дверь.

Дайанна выглядела усталой. Она стояла в ногах кровати Рикки с незажженной сигаретой в дрожащей руке. Марк подошел к ней, и она положила руку ему на плечо. Они смотрели, как доктор гладит Рикки лоб и пытается заговорить с ним. Глаза мальчика были закрыты, и он никак не реагировал на слова доктора. Было тяжело слушать детский лепет Гринуэя.

– Не слышит он вас, доктор, – наконец сказала Дайанна, но тот не обратил на нее внимания. Она утерла слезу со щеки. Марк почувствовал запах мыла и заметил, что волосы у нее мокрые. И еще она сменила одежду. Но не нарядилась, поэтому лицо выглядело непривычно.

Гринуэй выпрямился.

– Очень тяжелый случай, – заметил он как бы про себя, не сводя взгляда с закрытых глаз Рикки.

– Как же нам быть? – спросила Дайанна.

– Подождем. Состояние его стабильно, и непосредственной угрозы нет. Он придет в себя, и очень важно, чтобы в этот момент вы находились в комнате. – Гринуэй задумчиво посмотрел на них, потирая бороду. – Когда он откроет глаза, он должен увидеть свою мать, вы понимаете?

– Я никуда не уйду.

– Ты, Марк, можешь приходить и уходить, но все же лучше, чтобы ты как можно больше находился в палате.

Марк кивнул. Даже мысль о том, чтобы провести здесь еще минуту, была неприятной.

– Первые мгновения самые важные. Он испугается, оглядевшись вокруг. Он должен видеть и чувствовать свою мать. Обнимите его, говорите ему, что все будет хорошо. Немедленно позовите сестру. Я оставлю соответствующие указания. Он будет очень голоден, так что мы позаботимся о еде для него. Сестра уберет капельницу, и он сможет походить по комнате. Но самое основное – быть рядом.

– А когда, вы думаете, он...

– Я не знаю. Возможно, сегодня или завтра. Трудно сказать.

– Вам уже встречались такие случаи?

Гринуэй взглянул на Рикки и решил сказать правду. Он отрицательно покачал головой:

– Такие тяжелые – нет. Ребенок почти что в коме, что, в общем, нетипично. Обычно, как следует отдохнув, они приходят в себя и начинают есть. – Он попытался улыбнуться. – Но я не слишком волнуюсь. С Рикки все будет в порядке. Просто нужно время.

Казалось, Рикки его услышал. Он застонал и вытянулся, но глаз не открыл. Все внимательно наблюдали за ним, надеясь, что он скажет хоть слово. Хотя Марк и предпочитал, чтобы он молчал обо всей этой истории со стрельбой, пока они не обсудят все наедине, ему отчаянно хотелось, чтобы его младший братишка проснулся и начал говорить о чем-нибудь. Он уже устал смотреть, как тот лежит, свернувшись калачиком, и сосет этот треклятый палец.

Гринуэй открыл свой чемодан и достал газету. То была утренняя газета «Мемфис пресс». Он положил ее на постель и протянул Дайанне визитную карточку:

– Мой кабинет в соседнем здании. Вот тут на всякий случай номер телефона. Помните, сразу же, как он проснется, позовите сестру, а она сообщит мне. Договорились?

Дайанна взяла карточку и кивнула. Гринуэй развернул газету на кровати и спросил:

– Видели это?

– Нет, – ответила она.

Внизу первой полосы шел заголовок: «НОВООРЛЕАНСКИЙ АДВОКАТ КОНЧАЕТ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ В СЕВЕРНОМ МЕМФИСЕ». Под заголовком справа была напечатана большая фотография Джерома Клиффорда, а левее, более мелким шрифтом, подзаголовок: «ИЗВЕСТНЫЙ АДВОКАТ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В СВЯЗЯХ С МАФИЕЙ». Марку прежде всего бросилось в глаза слово «мафия».

Гринуэй наклонился вперед и понизил голос:

– Похоже, мистер Клиффорд довольно известный адвокат в Новом Орлеане. Он занимался делом сенатора Бойетта. Судя по всему, защищал человека, обвиняемого в убийстве. Вы что-нибудь об этом слышали?

Дайанна сунула в рот незажженную сигарету и отрицательно покачала головой.

– Ну, это очень важное дело. Первый американский сенатор, убитый до истечения срока его полномочий. Вы потом тут все прочитаете. Там, внизу, ждут полиция и ФБР. Когда я час назад пришел в больницу, они уже ждали. – Марк схватился руками за перила кровати. – Они хотят поговорить с Марком, но не могут этого сделать без моего разрешения. Ну так как, разрешить?

– Нет! – выпалил Марк. – Я не хочу с ними разговаривать.

Дайанна и Гринуэй молча смотрели на него.

– Со мной может произойти то же, что и с Рикки, если полиция будет ко мне приставать. – Марк почему-то знал, что полицейские вернутся и снова будут задавать бесконечные вопросы. Они с ним еще не закончили. Но его кинуло в дрожь при виде фото на первой полосе газеты и упоминании о ФБР, и ему действительно потребовалось сесть.

– Не пускайте их пока, – попросила Дайанна Гринуэя.

– Они спрашивали, не могут ли поговорить с вами в девять, но я сказал, что нет. Но они не уйдут. – Он снова взглянул на часы. – Я здесь буду до полудня. Может быть, тогда и поговорим с ними.

– Как скажете, – согласилась она.

– Прекрасно. Тогда я их промурыжу до двенадцати. Мы позвонили к вам на работу и в школу, старайтесь хоть об этом не беспокоиться. Просто будьте рядом с Рикки, пока я не вернусь.

Дайанна вышла в ванную комнату и закурила сигарету. Марк нажимал кнопки на пульте дистанционного управления у кровати Рикки, пока не нашел по телевизору местные новости. Ничего, кроме погоды и новостей спорта.

Дайанна кончила читать статью о мистере Клиффорде и положила газету на пол, под раскладушку. Марк с беспокойством наблюдал за ней.

– Его клиент убил сенатора Соединенных Штатов, – сообщила она с благоговейным трепетом.

Ну и дела. Придется ему отвечать на сложные вопросы. Марк неожиданно почувствовал голод. Шел уже десятый час. Рикки не шевелился. Медсестры о них забыли. Казалось, Гринуэй ушел уже сто лет назад. Где-то в темноте притаились агенты ФБР. С каждой минутой палата казалась все меньше, а от сидения на неудобной койке все тело у него затекло.

– Интересно, зачем это ему понадобилось? – сказал он, потому что ничего другого придумать не смог.

– Здесь написано, что Джером Клиффорд имел связи с новоорлеанской мафией и что его клиент известен как член этой мафии.

Марк видел «Крестного отца» по кабельному телевидению. Более того, он видел предисловие к «Крестному отцу» и потому знал все о мафии. Сцены из фильмов промелькнули перед ним, и боли в животе усилились. Сердце билось часто-часто.

– Я есть хочу, мама. А ты хочешь есть?

– Почему ты не сказал мне правду, Марк?

– Потому что там, в трейлере, был полицейский, сама понимаешь: время для разговоров было неподходящее. Прости меня, мам. Мне очень жаль. Я хотел рассказать тебе, как только мы останемся одни, честно.

Она потеряла виски. Вид у нее был огорченный.

– Ты же мне никогда не врал, Марк.

Никогда не говори «никогда».

– Мам, давай поговорим об этом позже? Я на самом деле голоден. Дай мне пару долларов, я сбегаю в кафетерий и куплю несколько плюшек. Мне очень хочется. И принесу тебе кофе. – Он уже встал, ожидая, когда она даст ему деньги.

К счастью, она тоже была не расположена к серьезным беседам о правдивости и всяком таком. Снотворное все еще действовало, и она не слишком быстро соображала. В голове гудело. Дайанна открыла сумку и протянула ему пятидолларовую купюру.

– А где кафетерий?

– В подвале. Я там уже два раза был.

– Почему-то меня это не удивляет. Наверное, ты уже всюду здесь побывал. Будь осторожен.

Он закрыл за собой дверь. Она немного подождала, потом достала из сумки баночку с валиумом, которую прислал Гринуэй.

Пока шла передача Донахью, Марк съел четыре плюшки, поглядывая на мать, которая пыталась дремать на кровати. Затем, поцеловав ее в лоб, заявил, что ему требуется побродить немного.

Марк снова воспользовался лестницей черного хода, потому что понимал, что Харди и агенты ФБР ждут его появления где-нибудь внизу.

Как и большинство других бесплатных больниц, больница Святого Петра строилась в те времена, когда на всем старались экономить, а об архитектурной гармонии забывали. Больница представляла собой растянутое в длину, поражающее воображение сочетание всяческих пристроек и крыльев, путаницу холлов, коридоров и антресолей, с помощью которых была сделана попытка объединить все это в единое целое. Где можно, были сооружены эскалаторы и лифты. В какой-то исторический момент кто-то сообразил, как трудно переходить из одного отделения в другое, не рискуя безнадежно заблудиться, и на стенах были развешаны многочис-

ленные цветные указатели, чтобы упорядочить движение. Потом добавили еще пристройки. Указатели устарели, но остались висеть как висели и вносили свою лепту в общую неразбериху.

Марк пробрался уже знакомым путем и вышел из больницы через небольшой вестибюль на авеню Монро. Он изучил карту центра города у телефонной будки и выяснил, что до конторы Джилла Тила можно свободно дойти пешком. Она находилась на третьем этаже здания в четырех кварталах от больницы. Марк быстрым шагом направился туда. Был вторник, школьный день, и он боялся нарваться на служащих, отлавливающих прогульщиков. На улице он был единственным ребенком и понимал, что выглядит подозрительно.

По дороге он разрабатывал новую стратегию. Что плохого, спрашивал он себя, стараясь не встречаться взглядом с прохожими, если анонимно позвонить в ФБР или полицию и сказать, где именно находится тело? Тогда не только он будет знать эту тайну. Если Роми не соврал, тело найдут и убийцу посадят в тюрьму.

И все-таки это рискованно. Его вчерашний звонок по 911 был полной катастрофой. Любой на другом конце провода поймет, что говорит с ребенком. ФБР запишет разговор и определит, чей это голос. И в мафии тоже не дураки.

Наверное, это паршивая идея.

Нужное ему здание было старым и очень высоким. Вестибюль отделан плиткой и мрамором. Вместе с ним в лифт вошли несколько прилично одетых мужчин с дипломатами. Они негромко переговаривались.

Его остановка была первой. Марк вышел в небольшой вестибюль, от которого прямо, направо и налево шли коридоры. Он свернул налево и вышагивал с таким видом, как будто поиски адвоката были для него привычным делом. Оказалось, что в этом здании полным-полно адвокатов. Их имена значились на красивых бронзовых табличках, привинченных к дверям. На некоторых дверях были вывешены целые устрашающие списки имен с инициалами и точками. ДЖ. УИНСТОН БАКНЕР. Ф. МАКДОНАЛЬД ДАРСТОН. И. ХЕМПСТЕД КРОУФОРД. Чем больше имен читал Марк, тем сильнее ему хотелось найти просто старину Джилла Тила.

Дверь мистера Тила он обнаружил в конце коридора, и на ней не было бронзовой таблички. Вместо этого сверху донизу шли большие черные буквы: «ДЖИЛЛ ТИЛ – НАРОДНЫЙ АДВОКАТ». Около двери ждали три человека.

Марк проглотил комок в горле и вошел в офис. Там толпился народ. Небольшая приемная была переполнена несчастными с самыми разными увечьями и ранами. Кругом торчали костыли. Двое сидели в инвалидных колясках. Свободных мест не было, и один бедняга с загипсованной шеей сидел на заставленном всякой всячиной кофейном столике. Голова его качалась, как у новорожденного. Маленькая девочка с чудовищно обожженным лицом жалась к своей матери. Как будто война прошла. Хуже, чем в приемном отделении больницы Святого Петра.

Мистер Тил был, безусловно, по горло занят со своими клиентами. Марк уже решил уйти, как кто-то грубо окликнул его:

– Что ты хочешь?

То была регистраторша, сидящая за столом крупная дама.

– Ты, мальчик, что тебе нужно? – Ее голос прогремел на всю комнату, но никто не обратил на это внимания. Люди продолжали страдать, не отвлекаясь на пустяки. Марк подошел к столу и посмотрел в искаженное, уродливое лицо.

– Я бы хотел видеть мистера Тила, – сказал он, оглядываясь по сторонам.

– Надо же. А тебе назначено? – спросила она, изучая какой-то список.

– Нет, мэм.

– Как тебя зовут?

– Ну, Марк Свей. У меня очень личное дело.

– Ну еще бы. – Она оглядела его с ног до головы. – Так какое у тебя увечье?

Он вспомнил про грузовик фирмы «Эксон», про то, как суетился мистер Тил, но понял, что этот номер у него не пройдет.

– У меня... это... нет никакого увечья.

– Тогда ты не туда пришел. Зачем тебе адвокат?

– Это длинная история.

– Мальчик, видишь всех этих людей? У них у всех назначена встреча с мистером Тилом. Он очень занятой человек и берет только дела, связанные со смертью или увечьем.

– Ладно. – Марк уже начал пятиться, не забывая о минном поле из костылей и тростей.

– Иди и побеспокой кого-нибудь еще.

– Разумеется. А если меня собьет грузовик или еще что-нибудь такое же случится, я приду к вам. – Он прошел через поле брани и быстро закрыл за собой дверь.

Он спустился на два пролета лестницы вниз и принялся исследовать второй этаж. Еще адвокаты. На одной двери он насчитал двадцать два имени, выбитых в бронзе. Адвокат адвокатом погоняет. Наверное, кто-нибудь из них может ему помочь. Может быть, он прошел мимо него в холле. Но все слишком заняты, чтобы заметить его.

Неожиданно откуда-то появился охранник и медленно направился в его сторону. Марк взглянул на ближайшую дверь. Некрупными буквами на ней было написано: «РЕДЖИ ЛАВ – АДВОКАТ». Он осторожно повернул ручку и вошел. В небольшой приемной было пусто и тихо. Ни одного клиента. Около столика со стеклянным верхом стояли диван и два кресла. Журналы сложены аккуратной стопкой. Откуда-то доносилась тихая музыка. На деревянном полу красивый ковер. Молодой человек в галстуке, но без пиджака встал из-за стола за какими-то растениями в кадках и сделал несколько шагов навстречу Марку.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – спросил он вежливо.

– Да, мне нужен адвокат.

– Не слишком ли рано тебе потребовался адвокат, а?

– Да, но у меня возникли проблемы. Вы – Реджи Лав?

– Нет. Реджи Лав в соседней комнате. Я – ее секретарь. Как тебя зовут?

Ее секретарь! Значит, Реджи – женщина. А секретарь – мужчина.

– Ну, Марк Свей. А вы секретарь?

– Да, и к тому же юрист. А почему ты не в школе? – Из таблички на столе явствовало, что его имя Клинт ван Хузер.

– Значит, вы не адвокат?

– Нет. Реджи – адвокат.

– Тогда мне надо поговорить с Реджи.

– Она сейчас занята. Садись. – Он махнул рукой в сторону дивана.

– А долго ждать? – спросил Марк.

– Не знаю. – Молодого человека явно забавляло, что такому маленькому мальчику требуется юрист. – Я скажу ей, что ты ее ждешь. Может, она и сможет уделить тебе минутку.

– У меня важное дело.

Мальчик явно был серьезен и сильно нервничал. Он то и дело посматривал на дверь, как будто боялся погони.

– У тебя неприятности, Марк? – спросил Клинт.

– Да.

– Какого рода неприятности? Ты должен мне немного рассказать, иначе Реджи не согласится принять тебя.

– Мне в полдень разговаривать с агентами ФБР, и я считаю, что мне нужен адвокат.

Это произвело впечатление.

– Садись. Подожди минуту.

Марк уселся в кресло и, как только Клинт исчез за дверью, раскрыл желтую телефонную книгу там, где был список адвокатов. Снова он наткнулся на страницу, посвященную Джиллу Тилу. Страница за страницей огромных объявлений, взывающих к изувеченным людям. Фотографии деловых мужчин и женщин с толстыми сводами законов в руках или сидящих за письменными столами с телефонами у уха. Затем пошла реклама на полстранички, потом на четверть странички. Реджи Лав там не было. Что она за адвокат такой?

Реджи Лав была одной из тысяч в списке в телефонной книге. Вряд ли она хороший адвокат, если ей отвели так мало места. Ему пришла в голову мысль сбежать из офиса. Но как взять Джилла Тила, настоящего адвоката, народного адвоката, с его огромным рекламным объявлением и достаточным авторитетом, чтобы пробиться на телевидение? И что у него делается в конторе на третьем этаже! Нет уж, быстро решил он, лучше попытаться счастья с Реджи Лав. Может, ей нужны клиенты. И у нее больше времени, чтобы помочь ему. Неожиданно идея женщины-адвоката показалась ему привлекательной: он видел по телевизору в сериале «Закон в Лос-Анджелесе» одну женщину, так она здорово разделялась с полицейскими. Он закрыл книгу и аккуратно положил ее на стопку журналов рядом с креслом. В офисе было прохладно и уютно. И совсем тихо.

Клинт прикрыл за собой дверь и прошел по персидскому ковру к ее столу. Реджи разговаривала по телефону, вернее, больше слушала, чем говорила. Клинт положил перед ней три телефонных сообщения и жестом показал, что в приемной ждет посетитель. Он присел на угол письменного стола, выровнял стопку бумаг и взглянул на нее. Кожаная мебель в интерьере офиса отсутствовала. Стены были оклеены розовыми обоями с цветочным рисунком. На одном углу ковра стоял безукоризненно чистый письменный стол из стекла и хрома. Стулья были обтянуты блестящей тканью густо-красного цвета. Никаких сомнений, что хозяйка офиса – женщина. И притом очень аккуратная.

Реджи Лав было пятьдесят два года, но юриспруденцией она занималась всего пять лет. Она была среднего роста, с совершенно седыми, коротко стриженными волосами, падающими на лоб и достающими почти до круглых черных очков. Ее зеленые глаза смотрели на Клинта с усмешкой, как будто она услышала что-то смешное. Затем Реджи подняла глаза к потолку и покачала головой.

– Пока, Сэм, – наконец произнесла она и положила трубку.

– У меня для вас новый клиент, – улыбнулся Клинт.

– Мне не нужны новые клиенты, Клинт. Мне нужны клиенты, которые могут платить. Как его зовут?

– Марк Свей. Ребенок, лет десять – двенадцать. Говорит, что в полдень должен встретиться с агентами ФБР. Считает, что ему нужен адвокат.

– Он пришел один?

– Угу.

– Как он нас нашел?

– Понятия не имею. Я всего лишь секретарь, не забыли? Придется вам самой задать ему эти вопросы.

Реджи встала и вышла из-за стола.

– Пригласи его. И выручи меня через пятнадцать минут, ладно? У меня еще на сегодня полно дел.

– Иди за мной, Марк, – пригласил Клинт, и Марк прошел за ним через узенькую дверь по коридору. Дверь офиса была застеклена, и на маленькой медной пластинке еще раз было написано: «РЕДЖИ ЛАВ – АДВОКАТ». Клинт открыл дверь и пропустил Марка вперед.

Первое, на что он обратил внимание, были ее волосы. Седые и еще короче, чем у него. Очень короткие над ушами и сзади, немного подлиннее спереди, падающие на лоб. Ему никогда не приходилось видеть, чтобы седая женщина так коротко стриглась. Она не казалась старой, но и молодой явно не была.

Она с улыбкой встретила его у двери:

– Марк, я – Реджи Лав.

Она протянула ему руку, он неуверенно поднял свою. Она крепко пожала ее. Ему редко приходилось здороваться с женщинами за руку. Невысокая, но и не маленькая, не худая, но и не толстая. На ней было прямое черное платье и золотые и черные браслеты на запястьях. Они слегка позванивали.

– Приятно познакомиться, – сказал он тихо.

Она уже вела его в угол офиса, где около маленького столика с иллюстрированными журналами стояли два мягких кресла.

– Садись, – пригласила она, – и подожди минутку.

Марк сел на краешек. Внезапно его охватил ужас. Он соврал матери. Он наврал полицейским. Он обманул доктора Гринуэя. Он собирался соврать агентам ФБР. Меньше суток прошло, как Роми умер, а он уже врет налево и направо всем, кому не лень. Завтра он соврет кому-нибудь еще. Похоже, пришла пора в порядке разнообразия сказать правду. Иногда страшно говорить правду, но он всегда потом чувствовал облегчение. Его бросило в дрожь уже при мысли выложить весь свой груз совершенно незнакомому человеку.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Нет, мэм.

Она скрестила ноги.

– Марк Свей, верно? Пожалуйста, не называй меня мэм, ладно? Меня зовут не миссис Лав или как там еще, меня зовут Реджи. Хотя я по возрасту вполне гожусь тебе в бабушки, все же называй меня Реджи, договорились?

– Договорились.

– Сколько тебе лет, Марк? Расскажи мне немного о себе.

– Мне одиннадцать. Учусь в пятом классе на Уиллоуроуд.

– Почему ты сегодня не в школе?

– Это длинная история.

– Понятно. И из-за этой истории ты пришел сюда?

– Да.

– Ты хочешь мне все рассказать?

– Наверное.

– Клинт сказал, ты должен встретиться с агентами ФБР в полдень. Это правда?

– Да. Они хотят меня расспросить там, в больнице.

Она взяла со стола блокнот и что-то записала.

– В больнице?

– Это часть длинной истории. Могу я спросить, Реджи? – Было странно называть женщину таким бейсбольным именем. Он как-то смотрел кино по телику о жизни Реджи Джексона и помнил, как толпа скандировала: «Реджи! Реджи!» И еще были шоколадки «Реджи».

– Ну конечно. – Она постоянно улыбалась, и было очевидно, что ее забавляет вся эта сцена с мальчишкой, которому нужен адвокат. Марк понимал, что, стоит ему все рассказать, от улыбок не останется и следа. У нее были красивые глаза, и они искрились, когда она смотрела на него.

– Если я вам что-то скажу, вы это кому-нибудь расскажете? – спросил он.

– Разумеется, нет. Все строго конфиденциально.

– А что это значит?

– Ну, попросту говоря, это значит, что я никогда не могу повторить то, что ты мне расскажешь, если ты не разрешишь мне это повторить.

– Никогда?

– Никогда. Это все равно что говорить с врачом или священником. Все держится в строгой тайне. Понял?

– Думаю, да. Ни при каких обстоятельствах...

– Никогда. Ни при каких обстоятельствах я не могу никому рассказать то, что ты мне доверишь.

– А что, если я расскажу вам что-то, чего никто не знает?

– Я не имею права повторить это.

– Даже то, что хочет знать полиция?

– Даже это. – Сначала Реджи забавляли его вопросы, но его настойчивость стала озадачивать ее.

– Что-то, что может вовлечь вас в большие неприятности?

– Я не могу это повторить.

Марк не мигая смотрел на нее какое-то время и решил, что ей можно доверять. У нее было хорошее лицо и добрые глаза. И еще с ней было легко разговаривать.

– Еще вопросы?

– Ага. Откуда такое имя – Реджи?

– Я несколько лет назад сменила имя. Меня звали Регина, и я была замужем за врачом. Потом случилось много плохого, ну и я стала Реджи.

– Вы развелись?

– Да.

– Мои родители тоже развелись.

– Мне очень жаль.

– Тут не о чем жалеть. Мы с братом ужасно радовались, когда это случилось. Отец здорово пил и бил нас. И маму тоже. Мы с Рикки всегда его ненавидели.

– Рикки – твой брат?

– Да. Это он сейчас в больнице.

– Что же с ним случилось?

– Это тоже часть длинной истории.

– Когда же ты мне ее расскажешь?

Марк немного колебался. У него еще оставались кое-какие сомнения. Он еще был не готов все выложить.

– А сколько вы берете?

– Не знаю. Зависит от дела.

– А какими делами вы занимаетесь?

– В основном делами, связанными с детьми, над которыми издеваются или которые лишены присмотра. Брошенными детьми. Врачебными ошибками, связанными с младенцами. Но в основном случаями издевательства над детьми. Бывают очень сложные дела.

– Здорово, потому что и мое дело очень сложное! Один человек умер. Один – в больнице. А полиция и ФБР рвутся допросить меня.

– Слушай, Марк, наверное, у тебя нет больших денег, чтобы нанять меня, так ведь?

– Нет.

– Формально ты должен мне заплатить что-то вроде аванса, и, как только ты это сделаешь, я становлюсь твоим адвокатом и мы можем начать работать. У тебя есть доллар?

– Да.

– Тогда дай мне его в качестве аванса.

Марк достал из кармана доллар:

– Это все, что у меня есть.

Реджи не хотелось брать у мальчика последний доллар, но ей пришлось это сделать, потому что этика есть этика, а это, судя по всему, все, что он ей когда-либо заплатит. Кроме того, он так гордился, что нанял адвоката. Она найдет способ вернуть ему этот доллар.

Она положила купюру на стол и сказала:

– Ну вот, теперь я твой адвокат, а ты – мой клиент. Давай послушаем историю.

Он снова полез в карман, вытащил оттуда смятую вырезку из газеты, которую утром принес Гринуэй, и протянул ее Реджи.

– Вы это видели? – спросил он. – Было в утренней газете. – Рука с газетной вырезкой дрожала.

– Ты напуган, Марк?

– Вроде того.

– Попробайся расслабиться, ладно?

– Ладно. Попробуюсь. Так вы это видели?

– Нет, я еще не видела газет. – Она взяла вырезку и прочла ее. Марк внимательно наблюдал за ней. – Ясно, – сказала она, закончив чтение.

– Тут говорится о трупе, который нашли два мальчика. Ну так вот, это я и Рикки.

– Разумеется, неприятно было обнаружить труп, но ведь это же не преступление.

– Хорошо. Но это далеко не вся история.

Она перестала улыбаться. Приготовила ручку.

– Тогда давай выкладывай все.

Марк дышал глубоко и часто. Четыре плюшки камнем лежали у него в желудке. Он был напуган, но знал, что, как только он все расскажет, ему станет легче. Он поудобнее уселся в кресле, глубоко вздохнул и уставился в пол.

Он начал со своей карьеры курильщика, рассказал, как Рикки его накрыл и как они отправились в лес. Потом про машину, шланг и толстяка, оказавшегося Джеромом Клиффордом. Он говорил медленно, потому что хотел вспомнить все и дать время адвокату все записать.

Клинт попытался прервать их через пятнадцать минут, но Реджи нахмурилась, и он исчез, быстро закрыв за собой дверь.

Рассказ занял целых двадцать минут, хотя Реджи его почти не перебивала. Он оказался не очень гладким, но не по вине Марка. Просто некоторые места она уточняла, и это заняло еще двадцать минут. Они прервались, чтобы выпить кофе и воды со льдом, принесенных Клинтом. Потом Реджи пересела за письменный стол, разложив все свои записи, и приготовилась повторить по всему рассказу в третий раз. Блокнот у нее кончился, и она взяла второй. Тут уже было не до улыбки. Дружеская, снисходительная болтовня бабушки с внуком уступила место серии точных вопросов, уточняющих детали.

Единственное, о чем не рассказал Марк, было место, где находится труп сенатора Бойетта, или, вернее, то, что ему сказал об этом Роми. В процессе этого разговора Реджи стало ясно, что Марк, возможно, знает, где спрятано тело, но она всячески старалась уйти от этой темы. Может, позже она задаст этот вопрос, а может, и нет. Но это придется оставить напоследок.

Через час она устроила перерыв и перечитала статью в газете. Потом еще раз. Все сходилось. Слишком уж много он знал подробностей, чтобы его рассказ мог оказаться враньем. Такая история не под силу даже самому изощренному уму. Кроме того, бедный ребенок был до смерти напуган.

Клинт прервал их еще раз в половине двенадцатого, чтобы напомнить Реджи, что посетитель, которому назначено, ждет ее уже больше часа.

– Отмени встречу, – сказала Реджи, не поднимая головы от записей, и Клинт удалился. Пока она читала, Марк бродил по офису. Он постоял у окна, глядя на машины внизу, на Третьей улице. Потом вернулся к креслу и сел.

Адвокат была так обеспокоена, что он даже пожалел ее. Столько лиц и имен в телефонном справочнике, и надо же было ему явиться со своей бомбой именно к ней.

– Чего ты боишься, Марк? – спросила она, протирая глаза.

– Многого. Я врал полицейским, и они, наверное, это поняли. Меня это пугает. Мой братишка в коме. Никто, кроме меня, не виноват. Я наврал доктору. Мне страшно. Я не знаю, что делать, так что, наверное, поэтому я сюда и пришел. Что мне делать?

– Ты мне все рассказал?

– Нет, но почти что.

– Ты мне лгал?

– Нет.

– Ты знаешь, где труп?

– Думаю, да. Во всяком случае, я знаю то, что сказал мне Роми Клиффорд.

На долю секунды Реджи испугалась, что он ей об этом скажет. Но он промолчал, и они долго смотрели друг на друга.

– Хочешь объяснить мне где?

– А вы хотите, чтобы я...

– Не уверена. Что тебя останавливает?

– Боюсь. Не хочу, чтобы кто-то знал, что он проговорился. Роми сказал, его клиент поубивал много народу и собирался прикончить самого Роми. Если он столько поубивал и если он подумает, что я знаю эту тайну, он постарается убить и меня. А уж если я расскажу все полицейским, он точно меня прикончит. Он ведь мафиозо, потому мне так страшно. А вам бы не было страшно?

– Думаю, было бы.

– И полицейский пригрозил, что, если я не скажу правду, они все равно решат, что я вру. Вот я и не знаю, что делать. Как вы считаете, мне надо рассказать полиции и ФБР?

Реджи встала и медленно подошла к окну. Сейчас она не была готова дать хороший совет. Если она посоветует мальчику выложить все полиции и ФБР, вот тогда его жизнь действительно будет в опасности. Нет закона, который заставил бы его говорить. Препятствие правосудию? Но ведь он всего лишь ребенок. Они не могли точно знать, что ему известно, и, если они не смогут ничего доказать, он в безопасности.

– Сделаем так, Марк. Не говори мне, где труп, ладно? По крайней мере сейчас. Потом – может быть, но не сейчас. И давай встретимся с агентами ФБР и послушаем, что они скажут. Тебе не надо говорить ни слова. Говорить буду я, и мы оба будем слушать. А после я решу, что дальше делать.

– Подходит.

– Твоя мама знает, что ты здесь?

– Нет. Мне надо ей позвонить.

Реджи нашла номер в телефонной книге и позвонила в больницу. Марк объяснил Дайанне, что он пошел прогуляться и скоро вернется. Как заметила Реджи, врал он складно. Он немного послушал, и на его лице появилось обеспокоенное выражение.

– Как он? – спросил мальчик. – Я буду через минуту.

Он повесил трубку и взглянул на Реджи:

– Мама расстроена. Рикки приходит в себя, а она не может разыскать доктора Гринуэя.

– Я пойду с тобой в больницу.

– Это было бы здорово.

– Где тебя ждут агенты ФБР?

– Наверное, там.

Реджи взглянула на часы, кинула два чистых блокнота в портфель и неожиданно поняла, что нервничает. Марк ждал у дверей.

Глава 9

Вторым адвокатом, нанятым Барри Ножом Мальданно для защиты его от малоприятных обвинений в убийстве, был УЦ Уиллис Апчерч. Он был из породы хватких и озлобленных, восходящая звезда среди шайки наглых крикунов, мотающихся по всей стране, работающих на мошенников и устраивающих представления перед камерой. У Апчерча были офисы в Чикаго и Вашингтоне, как, впрочем, и в любом другом городе, где ему удавалось подцепить громкое дельце и арендовать помещение. Не успел он после завтрака поговорить с Мальданно по телефону, как уже летел самолетом в Новый Орлеан для того, чтобы, во-первых, устроить пресс-конференцию и, во-вторых, встретиться со своим знаменитым клиентом и организовать шумную кампанию. Он прилично разбогател и завоевал известность в Чикаго своей страстной защитой гангстеров-убийц и торговцев наркотиками. За последнее десятилетие гангстерские воротилы со всей страны часто обращались к нему со всякими делами. Успехи его были весьма посредственными, но в данном случае клиентов привлекало не соотношение между выигранными и проигранными делами, а его злобное лицо, лохматая шевелюра и громовой голос. Апчерч был из числа тех адвокатов, для которых главное – чтобы о них писали в газетах и журналах, чтобы их лица мелькали на экране и чтобы о них всюду говорили. У него всегда была своя точка зрения. Он не боялся делать прогнозы. Он был резок и мог сказать что угодно, и потому его обожали ведущие всяких дурацких дневных телепередач.

Апчерч брался только за сенсационные дела, гарантирующие ему заголовки крупным шрифтом и фотографии в прессе. Ничто не вызывало у него отвращения. Он предпочитал богатых клиентов с тугим кошельком, но если в помощи нуждался маньяк-убийца, Апчерч был тут как тут с контрактом, обеспечивающим ему эксклюзивные права на книгу или фильм.

Хотя он страшно гордился своей популярностью и его превозносили ультралевые за защиту местных убийц, он, по сути дела, был обычным адвокатом на службе у мафии. Мафия закупила его с потрохами, дергала за веревочки как марионетку и платила сколько считала нужным. Его держали на длинном поводке и разрешали иногда высказаться, но стоило мафии свистнуть, он должен был мчаться со всех ног.

Так что, когда в четыре утра позвонил Джонни Салари, дядя Барри, Уиллис Апчерч вскочил как ошпаренный. Коротко поведав ему о несвоевременной кончине Джерома Клиффорда, Салари потребовал, чтобы он незамедлительно летел в Новый Орлеан. В ванную комнату Апчерч бежал вприпрыжку, обуреваемый радостью, что ему придется защищать Барри Ножа перед всеми этими телекамерами. Принимая душ, он думал о том, сколько уже всякого писали про это дело. Теперь он будет звездой первой величины. Завязывая перед зеркалом девяностодолларовый галстук, он не мог сдержать довольной усмешки при мысли о предстоящих шести месяцах в Новом Орлеане, где вся пресса будет плясать под его дудку.

Именно для этого он и стал юристом.

На первый взгляд обстановка в палате внушала ужас. Капельницу сняли, потому что Дайанна лежала на кровати рядом с Рикки, прижав его к себе изо всех сил и глядя по голове. Мальчик стонал, что-то бормотал, дергался и извивался. Он то открывал, то снова закрывал глаза.

– Все хорошо, детка, все хорошо. Мама с тобой. Мама с тобой, – сквозь слезы приговаривала Дайанна.

Гринуэй стоял рядом, сложив руки на груди и лишь изредка подергивая себя за бороду. На лице его застыло недоуменное выражение, как будто он видел такую сцену впервые в жизни. По другую сторону кровати стояла медсестра.

Марк вошел так тихо, что его никто не заметил. Реджи осталась в коридоре. Был уже почти полдень, самое время появиться агентам ФБР и остальным, но Марк понял, что присутствующим в комнате в данный момент не было никакого дела до полицейских с их вопросами.

– Все хорошо, детка, все хорошо. Мама с тобой.

Марк подошел поближе, чтобы лучше видеть. Дайанна с трудом улыбнулась ему вымученной улыбкой, потом закрыла глаза, продолжая шептать ласковые слова на ухо Рикки.

Прошло несколько долгих минут, и наконец Рикки открыл глаза, казалось, узнал мать и перестал дергаться. Дайанна несколько раз поцеловала его в лоб. Медсестра улыбнулась и проговорила что-то утешительное.

Гринуэй взглянул на Марка и кивнул в сторону двери. Марк последовал за ним. Они медленно прошли в дальний конец коридора.

– Он проснулся около двух часов назад, – объяснил врач. – Такое впечатление, что он потихоньку приходит в себя.

– Он уже что-нибудь сказал?

– О чем ты?

– Ну, знаете, насчет вчерашнего.

– Нет. Он что-то бормотал, и это хороший признак, но понять ничего было нельзя.

Ну, что ж. Хорошо хоть так. Придется Марку на всякий случай держаться поближе к палате.

– Значит, с ним все будет в порядке?

– Я этого не говорил. – Каталка с обедом остановилась посреди коридора, и им пришлось обойти ее. – Я надеюсь, что с ним все будет в порядке, но на это потребуется время.

Последовала длинная пауза.

– Твоя мама – сильная женщина?

– Довольно сильная. Нам через многое пришлось пройти.

– А родственники есть? Ей потребуется помощь.

– Да нет, родственников нет. У нее есть сестра в Техасе, но они не ладят. Дедушка умер, а бабушка тоже живет в Техасе. И все время болеет.

– Жаль.

Они остановились в конце коридора и посмотрели сквозь грязное окно на улицу.

– Ко мне агенты ФБР пристают, – сказал Гринуэй.

«Не только к тебе», – подумал Марк.

– Где они?

– В комнате 28. Такая маленькая комната для заседаний на втором этаже. Она почти всегда пустует. Они сказали, что будут ждать меня, тебя и твою маму ровно в полдень. Вид у них был довольно серьезный. – Гринуэй взглянул на часы и пошел назад в палату. – Похоже, им не терпится.

– Я готов, – заявил Марк, тщетно стараясь не казаться испуганным.

Гринуэй нахмурился:

– Ты что имеешь в виду?

– Я нанял адвоката, – объяснил Марк с гордостью.

– Когда?

– Сегодня утром. Она уже здесь, там, в конце коридора.

Гринуэй посмотрел в ту сторону, но Реджи не было видно за поворотом.

– Твой адвокат здесь? – переспросил он недоверчиво.

– Ага.

– И как ты нашел адвоката?

– Это длинная история. Но я сам ей заплатил.

Гринуэй задумался, потом двинулся назад по коридору.

– Но твоя мама сейчас не может отойти от Рикки ни при каких обстоятельствах. Да и мне не мешает быть поближе к нему.

– Никаких проблем. Мы с моим адвокатом все устроим.

Они остановились у двери палаты Рикки. Гринуэй поколебался, прежде чем открыть дверь.

– Я могу отложить все это до завтра. Я вообще могу выставить их из больницы. – Он старался казаться крутым парнем, но Марк понимал, как на самом деле обстоят дела.

– Да нет, спасибо. Они не уйдут. Вы позаботьтесь о Рикки и маме, а мы с адвокатом займемся агентами ФБР.

Реджи разыскала пустую комнату на восьмом этаже, где они и уединились. Они уже опаздывали на десять минут. Она быстро закрыла дверь и скомандовала:

– Задери рубашку.

Он замер, в изумлении уставившись на нее.

– Задери рубашку, – повторила она, принимаясь дергать его футболку с изображением «Тигров Мемфиса». Открыв свой портфель, она вынула оттуда маленький черный магнитофон и катушку лейкопластыря. Проверила микрокассету и нажала на кнопки. Марк не отводил от нее глаз. Было очевидно, что ей не впервой этим заниматься. Прижав магнитофон к его животу, она приказала: – Держи! – Затем продела ленту через хомутик на магнитофоне, обернула ее вокруг его талии и закрепила. – Вдохни поглубже, – сказала она, и он послушно выполнил ее приказание.

Потом он заправил футболку в джинсы. Реджи отступила на шаг и оглядела его.

– Замечательно, – оценила она.

– А если они меня обыщут?

– Не обыщут. Пошли.

– Откуда вы знаете, что меня не обыщут? – спросил он обеспокоенно. Ему приходилось торопиться, чтобы успеть за ней. Медсестра подозрительно посмотрела на них.

– Потому что они пришли поговорить, а не арестовывать тебя. Поверь мне.

– Я верю, просто боюсь.

– Все будет в порядке, Марк. Только помни, чему я тебя учила.

– А вы уверены, что они не заметят эту штуку?

– Абсолютно.

Она с силой толкнула дверь, и они оказались на лестнице. Быстро спустились по зеленым бетонным ступенькам. Марк шел на шаг сзади.

– А что, если сработает сигнал или что еще, а они от неожиданности вытащат «пушки»? Что тогда?

– Никаких сигналов. – Она взяла его руку и крепко сжала. – И они не стреляют в детей.

– В одном кино стреляли.

Второй этаж больницы Святого Петра построили задолго до девятого. Он был серый и грязный, коридоры забиты спешащими врачами, сестрами, техниками, санитарями с носилками, больными в инвалидных колясках и обалдевшими родственниками, не знающими, где встать, и старающимися не попасть никому под ноги. Коридоры разветвлялись во всех направлениях без всякой системы, образуя настоящий лабиринт. Реджи спросила трех медсестер, как ей найти комнату 28, и только третья смогла на ходу объяснить им, куда идти. Наконец они обнаружили полутемный коридор, застеленный потертым ковром. На простой деревянной двери шестой комнаты по правой стороне они увидели номер 28.

– Я боюсь, Реджи, – сказал Марк, глядя на дверь.

Она крепко сжала его руку. Если она и нервничала, заметить это было невозможно. Лицо оставалось спокойным, голос тихим и успокаивающим.

– Делай то, что я сказала, Марк, и все. Я знаю, что делаю.

Они вернулись немного назад, к комнате номер 24, и Реджи открыла дверь. Раньше здесь был кафетерий, а теперь хранился всякий хлам.

– Я подожду здесь. Теперь иди и постучи в дверь.

– Я боюсь, Реджи.

Она осторожно нащупала магнитофон и, найдя кнопку, нажала ее.

– Иди, – приказала она.

Марк глубоко вздохнул и постучал. Он слышал, как в комнате кто-то двигался.

– Войдите, – послышался довольно недружелюбный голос.

Он медленно открыл дверь, вошел и закрыл ее за собой. Комната была узкой и длинной, как и стол, стоящий посередине. Ни одного окна. Ни улыбки на лицах двух мужчин, стоящих с каждой стороны стола в дальнем конце. Их легко можно было принять за близнецов – белые, застегнутые доверху рубашки, красно-синие галстуки, темные брюки, короткая стрижка.

– Ты, верно, Марк? – спросил один, в то время как другой продолжал смотреть на дверь.

Марк кивнул. Говорить он не мог.

– А где твоя мать?

– А... это... кто вы такие? – наконец удалось выговорить Марку.

Тот, который стоял справа, сказал:

– Я Джейсон Мактьюн, мемфисское отделение ФБР. – Он протянул руку Марку, и тот вяло ее пожал. – Приятно познакомиться, Марк.

– Ага, мне тоже.

– А я – Ларри Труманн, – назвался другой. – ФБР. Новый Орлеан.

Так же вяло Марк пожал руку Труманну. Агенты нервно переглянулись. С минуту все неловко молчали. Наконец Труманн указал на стул в конце стола:

– Садись, Марк.

Мактьюн согласно кивнул и почти что улыбнулся. Марк осторожно сел, опасаясь, что лента порвется и эта дурацкая штука вывалится. Они тогда быстренько нацепят на него наручники, зашвырнут в машину, и он никогда больше не увидит маму. Что тогда сделает Реджи? Они подвинулись к нему, разложив блокноты на краю стола.

Они прямо дышали ему в лицо, и Марк сообразил, что это такая тактика. Он едва не улыбнулся. Если они хотят сидеть так близко – ради Бога. Но тогда черненький магнитофон все запишет. Чисто и ясно.

– Мы ждали твою маму, и доктора Гринуэя тоже, – сказал Труманн, бросая взгляды на Мактьюна.

– Они с моим братом.

– И как он? – с сочувствием спросил Мактьюн.

– Не очень хорошо. Мама сейчас не может отойти от него.

– Мы полагали, она придет сюда, – снова произнес Труманн и посмотрел на Мактьюна, как бы спрашивая его совета.

– Ну, можно подождать, пока она освободится, – предложил Марк.

– Нет, Марк, нам надо поговорить сейчас.

– Может, я позову ее?

Труманн достал из кармана рубашки ручку и улыбнулся Марку:

– Да нет, давай поговорим пару минут, Марк. Втроем. Ты нервничаешь?

– Немного. Что вы хотите от меня? – Он все еще дрожал от страха, но дышать стало легче. Магнитофон не издавал никаких звуков, и он постепенно переставал за него опасаться.

– Ну, нам хотелось бы задать тебе несколько вопросов насчет вчерашнего.

– А адвокат мне не нужен?

Они переглянулись, челюсти их абсолютно одинаково отвисли, и прошло несколько секунд, прежде чем Мактьюн склонился к Марку и произнес:

– Конечно, нет.

– А почему?

– Ну, потому, что мы, понимаешь, просто хотим задать тебе несколько вопросов. И все. Если ты решишь, что тебе нужна твоя мама, мы позовем ее. Или еще кого. Но адвокат тебе не нужен. Только несколько вопросов, и все.

– Я уже говорил с полицейским. Даже очень долго вчера говорил.

– Так мы не полицейские. Мы – агенты ФБР.

– Это-то меня и пугает. Думаю, может, мне все же нужен адвокат, чтобы, знаете, защищал мои права и все такое?

– Ты слишком часто смотрел телевизор, малыш.

– Меня зовут Марк. Можете вы звать меня Марком?

– Конечно. Извини. Но адвокат тебе не нужен.

– Да-да, – подключился Труманн. – Адвокаты только мешают. И им надо платить деньги, и они вечно против всего возражают.

– Может, мы подождем, пока мама придет?

Они обменялись одинаковыми улыбками, и Мактьюн сказал:

– Не думаю, Марк. Разумеется, если ты хочешь, мы можем подождать, но ты ведь умный парень, да и мы торопимся, так что просто несколько вопросов, и все.

– Ладно. Если нужно.

Труманн заглянул в свой блокнот и начал первым:

– Значит, так. Ты сказал мемфисским полицейским, что Джером Клиффорд был уже мертв, когда вчера вы с Рикки наткнулись на машину. Теперь скажи, Марк, это правда? – Он задал свой вопрос с ухмылкой, как будто заранее знал, что все это вранье.

Марк поерзал, глядя прямо перед собой.

– Я должен отвечать на этот вопрос?

– Конечно.

– Почему?

– Потому что мы должны знать правду, Марк. Мы из ФБР, расследуем это дело, и нам нужна правда.

– А что будет, если я не отвечу?

– Много всякого. Возможно, мы будем вынуждены отвезти тебя в свою контору, разумеется, на заднем сиденье машины и без наручников, и там задать тебе действительно серьезные вопросы. Может, и мать твою придется туда отвезти.

– А что будет с мамой? У нее могут быть неприятности?

– Вполне возможно.

– Какие?

Они немного помолчали, нервно переглядываясь. У них с самого начала не было твердой почвы под ногами, а сейчас дела шли все хуже и хуже. Нельзя допрашивать детей, предварительно не поговорив с родителями.

Но какого черта! Мать не явилась. Отца у него нет. Мальчишка из бедной семьи и в данный момент совсем один. Вряд ли появится еще такая возможность. Так что быстренько пару вопросов.

Мактьюн откашлялся и сурово нахмурился:

– Марк, ты когда-нибудь слышал о том, что нельзя препятствовать правосудию?

– Да нет.

– Так вот, это преступление, понял? Оскорбление закона. Человек, знающий что-то о преступлении и скрывающий это от ФБР или полиции, может быть обвинен в том, что он препятствует правосудию.

– И что тогда?

– Ну, если его признают виновным, его могут осудить. Отправить в тюрьму или что-нибудь в этом роде.

– Значит, если я не отвечу на ваши вопросы, нас с мамой отправят в тюрьму?

Мактьюн озадаченно посмотрел на Труманна. Лед становился все тоньше.

– Почему ты не хочешь отвечать, Марк? – спросил Труманн. – Ты что-нибудь скрываешь?

– Я просто боюсь. И это несправедливо. Мне всего одиннадцать, а вы агенты ФБР, и мамы тут нет. Я и не знаю, что мне делать.

– А без мамы ты не можешь ответить на вопросы, Марк? Ты вчера что-то видел, а мамы твоей там не было. И она не может помочь тебе ответить. Нам просто надо знать, что ты видел.

– Если бы вы были на моем месте, вы потребовали бы адвоката?

– Дьявол, ну, конечно, нет, – сказал Мактьюн. – Я никогда бы не связался с адвокатом. Извини за грубое выражение, сынок, но они как гвоздь в заднице. Поверь мне. Если тебе нечего скрывать, адвокат тебе не нужен. Отвечай правдиво, и все будет прекрасно.

Он начинал злиться, что было неудивительно. Марк знал, что один из них обязательно должен быть злым. Обычная система «плохой полицейский – хороший полицейский», с которой Марк был отлично знаком благодаря телевизору. Мактьюн будет свирепеть и дальше, а Труманн станет улыбаться и даже иногда хмуро поглядывать на своего разошедшегося коллегу так, чтобы Марк видел. За это Марк должен проникнуться к нему доверием. Потом Мактьюн выйдет из себя и покинет комнату, а Марк вывернется наизнанку перед добрым Труманном.

Труманн наклонился к Марку, фальшиво улыбаясь:

– Марк, Джером Клиффорд был уже мертв, когда вы с Рикки нашли его?

– Я хочу воспользоваться Пятой поправкой¹.

Улыбку как ветром сдуло. Лицо Мактьюна налилось кровью, и он в отчаянии покачал головой. Последовала длинная пауза, во время которой агенты переглядывались друг с другом. Марк следил за ползущим по столу муравьем, пока тот не исчез под блокнотом.

Труманн, который добрый, наконец решил заговорить:

– Боюсь, Марк, ты слишком часто смотришь телевизор.

– Вы хотите сказать, я не могу воспользоваться Пятой поправкой?

– Сейчас я угадаю! – прорычал Мактьюн. – Ты смотришь «Закон в Лос-Анджелесе», верно?

– Каждую неделю.

– Оно и видно. Так ты будешь отвечать на вопросы, Марк? Потому что, если не будешь, нам придется принять меры.

– Какие?

– Обратиться в суд. Поговорить с судьей. Убедить его заставить тебя отвечать на вопросы. Это все довольно неприятно, знаешь ли.

– Мне надо в туалет, – сказал Марк, сполз со стула и встал.

– Разумеется, Марк, – согласился Труманн, неожиданно перепугавшись, что Марку стало плохо. – Туалет где-то дальше по коридору. – Марк был уже у дверей. – Даем тебе пять минут, Марк. Мы подождем. Не торопись.

Марк вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

¹ В тексте Пятой поправки к конституции США, в частности, говорится, что никого не могут принуждать свидетельствовать против себя. – *Примеч. ред.*

В течение семнадцати минут агенты болтали и крутили в руках свои ручки. Они не волновались. Опытные агенты, они были знакомы со всякими уловками. Такое уже случалось. Он заговорит.

Раздался стук в дверь, и Мактьюн сказал:

– Войдите.

Дверь открылась, и появилась симпатичная женщина лет пятидесяти. Войдя, она закрыла за собой дверь, как будто находилась в своем собственном офисе. Они было начали подниматься, но она остановила их:

– Можете сидеть.

– У нас совещание, – официально заметил Мактьюн.

– Вы не в ту комнату попали, – грубо бросил Труманн.

Она поставила портфель на стол и подала каждому из агентов по визитной карточке.

– Не думаю, – сказала она. – Меня зовут Реджи Лав. Я адвокат и представляю Марка Свей.

Надо отдать им должное, они приняли это известие не так уж и плохо. Мактьюн принялся разглядывать визитку, а Труманн просто стоял, опустив руки и пытаясь сообразить, что бы сказать.

– Когда он вас нанял? – спросил Мактьюн, глядя выпученными глазами на Труманна.

– Это ведь не ваше дело, не так ли? Он меня не нанял, он заплатил мне аванс. Садитесь.

Она непринужденно уселась на стул и пододвинулась к столу. Мужчины неуклюже присели на приличном расстоянии от нее.

– А где... гм... где Марк?

– Где-то. Он воспользовался Пятой поправкой. Могу я посмотреть ваши документы?

Они тут же потянулись к пиджакам, порылись в карманах и выудили оттуда свои бляхи. Она внимательно рассмотрела обе и записала что-то в своем блокноте.

Покончив с этим, она подвинула бляхи им через стол и спросила:

– Вы что, пытались допросить этого ребенка в отсутствие его матери?

– Нет, – ответил Труманн.

– Ну конечно, нет, – заявил Мактьюн, весь вид которого говорил, что он шокирован подобным предположением.

– Он сказал, что вы пытались...

– Он все перепутал, – объяснил Мактьюн. – Мы сначала обратились к доктору Гринуэю, и он согласился на эту встречу, в которой должны были участвовать Марк, Дайанна Свей и доктор.

– Но они не пришли, – быстро добавил Труманн, изо всех сил стараясь все разъяснить. – Мы спросили, где его мать, и он сказал, что сейчас она не может прийти, так вот мы и подумали, что она придет чуть позже, а мы пока немного поболтаем с мальчишкой.

– Да, мы просто ждали миссис Свей и доктора, – поспешно согласился Мактьюн. – А где вы были в это время?

– Не задавайте вопросов, не относящихся к делу. Вы посоветовали Марку обратиться к адвокату?

Агенты переглянулись, ища помощи друг у друга.

– Об этом не было разговора. – Труманн невинно пожал плечами.

Поскольку мальчишки не было, врать было легче. И вообще, он просто перепуганный ребенок, который все перепутал, а они, в конце концов, агенты ФБР, так что она должна верить им.

Мактьюн откашлялся.

– Помнишь, Ларри, Марк что-то такое сказал, или, может, это я сказал насчет «Закона в Лос-Анджелесе», и тогда Марк спросил, не нужен ли ему адвокат, но он вроде бы шутил, во всяком случае, я воспринял его слова как шутку. Помнишь, Ларри?

Теперь и Ларри вспомнил:

– Да, конечно, что-то насчет «Закона в Лос-Анджелесе». Просто шутка.

– Вы уверены?

– Ну разумеется, я уверен, – сказал Труманн. Мактьюн нахмурился и поддержал партнера кивком головы.

– Он не спросил вас, не нужен ли ему адвокат?

Они покачали головами, делая вид, что изо всех сил пытаются припомнить.

– Точно не помню. Он ведь ребенок, да еще и перепуган. Так что он все путает, – ответил Мактьюн.

– Вы сказали ему о его правах?

Труманн улыбнулся и внезапно почувствовал себя более уверенно.

– Разумеется, нет. Ведь он не подозреваемый. Просто ребенок. Нам нужно задать ему несколько вопросов.

– И вы не пытались его допросить в отсутствие его матери и без ее согласия?

– Нет.

– Конечно, нет.

– И вы не предлагали ему не связываться с адвокатами, после того как он попросил у вас совета?

– Нет, мэм.

– Ни в коем случае. Мальчишка врет, если он сказал вам такое.

Реджи медленно открыла портфель и достала оттуда магнитофон и микрокассету. Она положила и то и другое перед собой, а портфель поставила на пол. Специальные агенты Мактьюн и Труманн уставились на стол и, казалось, стали меньше ростом.

Реджи одарила их злорадной усмешкой и сказала:

– Полагаю, мы знаем, кто врет.

Мактьюн схватился двумя пальцами за нос. Труманн протер глаза. Она дала им немного пострадать. В комнате стояла абсолютная тишина.

– Все здесь записано, братцы. Вы, ребята, пытались допросить ребенка без его матери и без ее согласия. Он специально вас спросил, не стоит ли подождать, пока она освободится, и вы сказали: нет. Вы пытались заставить ребенка говорить с помощью угрозы уголовного преследования, и не только относительно его самого, но и его матери. Он говорил вам, что напуган, и дважды спросил, не нужен ли ему адвокат. Вы посоветовали ему не нанимать адвоката, объяснив это тем, что от адвокатов одни неприятности. Джентльмены, неприятности ждут вас.

Они еще больше сжались. Мактьюн прижал ладонь ко лбу и осторожно потер его. Труманн не мог отвести недоверчивого взгляда от кассеты, одновременно стараясь не смотреть на эту женщину. Он было подумал схватить пленку и разорвать ее на части, растоптать ногами, но что-то подсказывало ему, что все будет впустую: эта дама наверняка сделала копию.

Скверно, когда тебя ловят на лжи, но их проблема была куда серьезнее. Они могли нарваться на строгие дисциплинарные взыскания. Влепят выговор. Переведут на другую работу. И все это дерьмо окажется в личном деле. Труманн был уверен: эта женщина знает все, что следует знать о наказании провинившихся агентов ФБР.

– Вы дали мальчишке магнитофон, – тихим голосом заметил Труманн, ни к кому не обращаясь.

– Почему бы нет? В этом нет никакого преступления. Вспомните, вы ведь агенты ФБР. Вы сами постоянно пользуетесь такими методами.

Надо же, какая умная! Но ведь она адвокат, так? Мактьюн наклонился вперед, хрустнул костяшками пальцев и решил оказать некоторое сопротивление.

– Послушайте, миссис Лав...

– Реджи.

– Ладно, ладно, Реджи. Нам, так сказать, очень жаль. Нас, как это, немного занесло, и мы, ну, короче, мы приносим свои извинения.

– Немного занесло? Если я захочу, вас с работы турнут за это.

Спорить с ней они не собирались. Возможно, она и права, а если и были какие аргументы в их пользу, то у них не имелось никакой охоты их приводить.

– Вы и этот разговор записываете?

– Нет.

– Хорошо. Мы превысили свои полномочия. Нам очень жаль. – Он боялся посмотреть на нее.

Реджи медленно положила пленку в карман.

– Посмотрите-ка на меня, ребята. – Они неохотно подняли глаза. – Вы уже доказали, что можете лгать и делаете это не задумываясь. Почему я должна доверять вам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.